

Александр ГОРОХОВ

ИНО-агент НКВД

Роман-воспоминание

(Журнальный вариант)

Часть II'

19. НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Ночью Зинаиде приснился сон. К кровати подошла мама, одетая в длинное белое не то платье, не то рубашку. Внимательно посмотрела на дочку. Обошла кровать. Помахала ей рукой и ушла. Зина проснулась. Вскочила с кровати, осмотрелась. Никого в комнате не было. «Мама умерла!» — первое, что пришло в голову. Она зарыдала и громко сказала:

— Умерла моя мама!

Подошла к окну. В черноте осенней ночи свистел ветер. Высокое дерево в такт порывам скрипело, размахивало ветками, будто вскидывало руки и стонало от беды. По стеклу хлестнул дождь.

Все в доме проснулись. В комнату вошел встревоженный отец:

— Что случилось, Зиночка? Что такое? Привиделось что-то?

— Папочка, нашей мамы больше нет! — Зинаида обняла отца и заплакала.

— Откуда ты знаешь? — прошептал отец. — Я был сегодня в больнице. Врач ничего такого не говорила. Я сегодня к ней пойду. Куриный бульон сварю и пойду. Еду отнесу. Курочку вчера на рынке купил. Специально для Анисьюшки.

— Нет, папочка, курочка ей уже не нужна, — Зинаида заливалась слезами. — Помнишь, я спорила с Николай Николаевичем, что чудес не бывает. А он мне тогда сказал, что сама увижу и уверю в них. Сказал, что узнаю о трех смертях близких мне людей, как только они произойдут, а никаких известий об этом ещё не будет. Так и сказал. Я, глупенькая, тогда посмеялась. А он улыбнулся своей грустной улыбкой и погрозил мне пальцем. Ты помнишь, он всегда так делал, когда я не слушалась или шалила.

Отец кивнул:

— Помню, Зинушка, помню. И что?

— Мамочку сейчас видела во сне. Во всем белом. Подошла ко мне, улыбнулась, потом стала уходить, оглянулась и помахала мне рукой. Попрощалась.

— Может, еще обойдется? — с надеждой спросил отец.

— Нет, папочка, не обойдется. Нет больше нашей мамочки.

Наутро она с отцом пошла в больницу. Мамы уже не было.

Николай Николаевич появился в их жизни, когда война уже шла, но революций еще не было. Только отпраздновали Рождество. Даже нет, именно на Рождество он и пришел в гости. Высокий, статный, с седеющей бородой, одетый в темно-серую, почти черную одежду и в белой меховой шапке. Широкий, длинный, ниже пояса, алый шарф был перекинут через воротник, отчего одежды Николая Николаевича казались праздничными и торжественными. Пришел сразу после заутренней службы в домовой церкви при консульстве. Отец встретил его там и пригласил. Зинушке показалось, что он священник, но Николай Николаевич священником не был.

Он обладал удивительной способностью притягивать к себе людей. Детишки от него не отходили. Наверное, главное, что его отличало от других — доброта. Не та доброта, которая у многих, про которых говорят: «Добрый человек». Его доброта особенная. Про неё не скажешь вот так просто. Любой, кто его узнавал, становился — Зинушка не знала, как правильно объяснить, пожалуй, лучше всего подходило слово — «просветленным». После беседы с этим человеком, даже короткой, будто святой дух входил в тебя. Хотелось делать только добрые дела. Ни о чем другом и думать не хотелось. Так случилось и с Зинушкой. Только она не прибегала к нему, не бросалась в объятия, как младшие сестренки. Она пряталась. Подглядывала за ним из-за портьеры или в щелку двери. И через много времени выходила из укрытия, подходила. Трогала

¹ Часть I романа Александра Горохова «ИНО-агент НКВД» опубликована в №13 «Невского проспекта».

за рукав. Гладил его руку и только потом, осмелев, садилась на колени и заговаривала. Он обнимал её, целовал в голову. Спрашивал:

— Ну, что, маленькая моя, ёжик мой с мягкими иголочками, чем сегодня занимаешься? О чем тебе думалось?

Зинушка начинала о чем-нибудь расспрашивать. Обычно совсем не о детском. О таком, на что не каждый взрослый знает ответ. А Николай Николаевич знал. Не просто знал, а объяснял, да так, что ответы запоминались. Часто на всю жизнь.

— Николай Николаевич, мы учили, что в древней Греции было много богов. Про них разные интересные истории написаны. А у нас только один Бог. Те боги что, умерли? Или они в святых превратились? — спрашивала Зинушка.

Николай Николаевич улыбался, говорил:

— Умница, что о таком размышляешь. В святых они не превратились. Должно быть, живут себе и живут потихоньку. Пан, наверное, в лесу или в поле обитает. Одичал от того, что люди про него забыли, да со временем от одиночества в лешего превратился. Пугает заплутавшихся путников. То же и с остальными. Чтобы водяной не утащил, сперва, когда в воду заходишь, перекрестись, воду перекрести, а уже потом купайся. Тогда не утащит. Но в воде не шали, а то утащит. Есть люди, которые верят, что всё сущее одушевлено. Имеет душу. И горы, и деревья, и земля, и вода, и все живое. Звери, птицы. Я не стану спорить с ними, в этом мире все возможно. Все происходит по воле божьей.

— А ты всегда будешь с нами? Я тебя полюбила. Оставайся, пожалуйста.

— Спасибо, милая, я тоже тебя и всех вас полюбил. Прихожу к вам и душой отдыхаю. Нравится мне доброта ваша, открытость. Но, увы, скоро должен уехать. Поживу здесь еще немного. Поближе познакомлюсь с мусульманами-шиитами. Потом собираюсь в Индию. Хочу познакомиться с их религиями. Бог один, а каждый народ верует по-своему. Да еще за свою правоту в вере многие готовы убить тех, кто верует в Бога, но по-иному совершает обряды. А из Индии, если Господь направит, поеду в Тибет. А вообще, говорят, что планировать свою жизнь — это значит смешить Бога. Так и говорят: если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

Зинушка засмеялась:

— Это почему?

— Да потому, что в любой момент эти твои планы могут быть нарушены или изменены. На все воля Божья. Не просто так есть пословица: человек предполагает, а Бог располагает. Понятно?

— Понятно. А я и предполагаю, и располагаю!

То Рождество, когда Николай Николаевич впервые у них появился, Зинушка запомнила. Почему он заговорил, что послужило началом, не запомнилось. Должно быть, его слова были ответом на вопрос отца, а может быть, просто заговорил потому, что наболело на душе:

— Ждут нас всех, всю Россию, Филипп Мефодьевич, тяжелые времена. Сравнимые с временами Иоанна Четвертого, смутой, да только еще хуже. Сколько людей русских погибнет, не перечесать. Вся страна будет разрушена. Весь нынешний уклад жизни уничтожен. Будто бесы на огромной мельнице станут всех и всё перемальвать жерновыми. Николай Второй не может управлять страной. Император и самодержец всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Польский, царь Сибирский, царь Херсонеса Таврического, царь Грузинский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая, пытается управлять всем этим, но не может. Не дано ему этого. Бог не дал способностей. Не может он быть отцом для всех, кто живет в России. Не плоть от плоти народа нашего. Не понимает он народ. Это и его, и наша всеобщая беда. И себя погубит, и страну. Отречется он от престола. Станет Россия республикой, да недолго ей пробудет. Начнется война. Брат на брата, сын на отца, отец на сына. Почти как в святом писании. Только над всем будет не вера, а гордыня — смертный грех не из последних. Начнется гражданская война. Простые люди, будто зерна, окажутся между бесовскими жерновами и будут перемолоты. А жернова эти давно готовились. Прежние цари, кто по неразумению, кто по гордыне, столетиями их создавали. А потом, после войны братоубийственной, люди устанут. И всех утихомирят не самый умный, но самый хитрый и коварный. Тот, кто своих же единоверцев, с которыми власть захватывал руками народа, стравит друг с другом да и перебьет поодиночке. А потом большая война начнется почти со всей Европой. И опять огромное число людей наших погибнет. К середине века нынешнего Россия потеряет около ста миллионов человек. Но станет одной из сильнейших стран в мире.

Николай Николаевич говорил это печально, с болью в голосе. Лицо его с каждой фразой мрачнело. Отец к сказанному отнесся очень серьезно.

— А что же нам делать, Николай Николаевич? — спросил он почти шепотом.

— Не знаю, дорогой мой Филипп Мефодьевич. Что делать, не знаю, потому и покинул землю нашу. И более в неё не вернусь. Поживу здесь немного. Потом собираюсь в Индию. А оттуда, наверное, в Тибет, потом, может быть, в Австралию или Новую Зеландию. В общем, на край света. Подальше от грядущего мрака. А вы определяйтесь, как быть. У вас вон сколько помощниц. Одна другой краше. Вы же из крестьян. Сами знаете, как зернышку не пропасть между жерновами. Самое правильное, чтобы не смололи в муку, это затеряться. Но не прятаться. Потому что от тех, которые станут страной управлять, не спрячешься. А вот как быть и на виду, и невидимыми, придумать только вы сможете сами. Там, на родной земле, придется приноравливаться и душой кривить. Если решите не возвращаться, будете тосковать по дочке, Машеньке, которая в Москве сейчас живет. А по России выть будете от невозможности её увидеть. Так что принимайте правильное решение, и Господь не оставит вас.

Однажды Зинушка спросила Николая Николаевича:

— А кто такие святые?

— Ох, маленькая девочка, какие ты непростые вопросы задаешь! Свят и безгрешен только Господь наш, — Николай Николаевич перекрестился. Зинушка сделала то же. — Святые — это люди. Но не простые, а те, которые делами своими приблизились к божьей святости. О делах этих людей многое известно. Они свои грехи вольные и невольные искупали всей своей праведной жизнью. Господь все видит, заметил и деяния этих людей и наделил особыми дарами. Зачастую ещё при жизни. А теперь они у Господа. Помогают людям. Своими подвигами сподвигают на поступки и дела праведные. Ты, Зинушка, знаешь, кто твой святой, кто присматривает за тобой и помогает? Не дает впасть в уныние.

Зинушка покачала головой:

— Нет, я не знаю.

— Я тебе, любимая, скажу. Твой святой, покровитель, это Николай Угодник. Будешь в церкви, подойди к его иконе, поставь свечку ему и помолись. Помолись не вслух, а мысленно. Он-то тебя еще до твоего рождения знает, а ты познакомься. Николай Угодник добрый. Он поможет в трудную минуту.

Зинушка знала икону святого Николая. В школе, на уроках закона Божьего, священник рассказывал, что он был добрым и хорошим. Ей уже давно казалось, что он похож на Николая Николаевича. И вдруг понял! Хитро глянула на Николая Николаевича, погрозила ему пальчиком, засмеялась, обняла, поцеловала:

— А я догадалась, Николай Николаевич, меня не обманешь! Это ты и есть святой Николай.

Спрыгнула с его коленей, убежала и больше в тот день не показывалась. Но запомнила, о чем он говорил. Сходила в церковь, помолилась святому. Рассказала про себя. Попросила заступничества. С той далекой поры Николай Угодник помогал ей. Она старалась со своими бедами справляться сама. Нечасто просила помощи. Но когда просила, эта помощь от святого Николая всегда к ней приходила.

Николай Николаевич прожил в Мешхеде дольше, чем собирался. То, о чем он говорил, сбывалось. Произошла Февральская революция. Затем Октябрьский, как говорили в русской колонии, переворот. Началась Гражданская война. Поток беженцев из России увеличивался. Жизнь менялась. К ней постепенно приноравливались, подстраивались. Многие из посольских чиновников, особенно те, кто был побогаче, уезжали. Большинство за океан, в Америку. Подальше от войны. Собрался, как и говорил, в Индию и Николай Николаевич. Она уже вернулась с Голубых Гор, и он много расспрашивал её о племени тодов. Удивлялся рассказам, собирался обязательно побывать у них. Перед отъездом зашел попрощаться. Зинушка спряталась и не показывалась ему на глаза. Стеснялась. Он это понимал, поглядывал в её сторону, улыбался, но не звал к себе. Переговорив, пожелав доброго, обняв и перекрестив всех, Николай Николаевич сел в коляску, и она потихоньку тронулась. Зинушка, поняв, что больше его никогда не увидит, выбежала на дорогу, стала махать руками. Заплакала. Николай Николаевич почувствовал это, обернулся, снял шляпу, замахал ей. Зинушка увидела, как от ей улыбается. По движению губ почувствовала, что он желает ей счастья. Она споткнулась, упала в пыль. Вскочила и побежала к нему. Коляска остановилась, он выпрыгнул из неё, побежал навстречу. Они обнялись, долго не могли расстаться. Зинушка целовала его, плакала, потом смеялась, снова плакала. Он гладил её по головке, говорил:

— Ну, чего ты, мой маленький ёжик с мягкими иголочками, всё будет хорошо. Я буду всегда с тобой. Буду помогать. И ты не забывай меня. Будь счастлива, милая!

Наконец, они расстались. Николай Николаевич не стал садиться в коляску, пошел, держась за неё, часто оглядывался. А Зинушка махала и махала рукой.

20.

По телевизору шла передача в стиле ретро. Какой-то артист прочитал басню. Потом близнецы танцевали чечетку. Потом пели романс. Её Лёня любил такие передачи. За столом, когда собирались гости, пел, шутил. Хорошо копировал голоса известных артистов. Удивительно, нигде не учился, а играл на любых инструментах. Подбирал по слуху песни, мелодии. Вообще был веселым человеком. Зинаида Филипповна вспомнила, как они в первый раз остались вдвоем. Как Лёня очень нежно дотронулся до неё. Поцеловал. Она обняла его. Ответила на поцелуй. Потом много говорили. Заснули обнявшись, будто боялись расстаться, потерять друг друга. Когда проснулись, было уже светло. Лёня встал, и она впервые увидела шрамы. Его израненное тело.

— Господи, любимый, сколько же ран у тебя? — выдохнула Зина, прижалась к своему Лёничке и заплакала.

— Ты почему плачешь?

— От счастья, что ты остался живой и что встретила тебя.

— Да, я никогда даже не думал, что останусь живой. Думал, что обязательно убьют, и хотел только, чтобы побольше фашистов забрать. Чтобы счет был в мою пользу. Тогда и не обидно будет умереть. А вот видишь, как получилось. Остался живой, — Лёне, наверное, хотелось выговориться и он продолжал: — А в сорок втором на меня действительно похоронку послали. Думали, что убит. Снаряд в танк попал. Танк загорелся. Меня контузило. Голова гудит. Ничего не слышу. Все в дыму. Люк с трудом на ощупь открыл. Выбрался из танка. Упал в кювет. Гляжу, люк механика дергается. Я туда. Еле иду. Качает. Раза два падал. Люк дергается, а не открывается. Как только в очередной раз приоткрылся, я сообразил, схватился за щель, открыл. А там молоденький стрелок-радист. Только перед боем ко мне в экипаж поступил. Лет шестнадцати, худенький, слабенький. Люк не в силах был открыть. Я его выдернул. Откуда силы столько взялись. Он прямо в канаву улетел. Остальной экипаж в танке сгорел. Вокруг, слышу, пули свистят. Соображаю, что слух возвращается. Обрадовался, что слышать стал. Тут и ранило. Этот пацан от страха уполз, а потом всем рассказал, что я убит. А меня после боя солдаты из похоронной команды нашли. Обожженного. Без сознания. Поняли, что живой. Отправили в госпиталь, и я в госпитале выжил. Три месяца пролежал. Возвращаюсь в бригаду, а там все рты разинули. Будто я с того света вернулся. Стали говорить, что это хорошая примета, что теперь точно не убьет. И верно. Ранило потом много раз, а вот, видишь, не убило. А я думаю, что просто повезло.

21.

Татьяна Ивановна, учительница, с которой Зинушка познакомилась давным-давно, еще до школы, на пароходе, когда ехали в Персию, а потом подружилась, при родах третьего ребенка умерла. Ребенок тоже не выжил. Иван Григорьевич, её муж, остался один с двумя детьми. Девочками. Запил. Его держали в школе из жалости. Надеялись, что отойдет и снова начнет учить детей. Да и переводчиком он был хорошим. Вроде бы так со временем и случилось. Он держался, работал, но иногда срывался и запивал. Тогда к нему домой приходили, готовили еду, кормили детей. Он отходил от запоя. Становился нормальным.

Делали так по очереди оставшиеся колонисты. Помнили про Татьяну Ивановну, да и девочек не бросать же. В тот раз была очередь их семьи. Всем идти почему-то оказалось некогда. Анисья Дмитриевна испекла большой пирог, сварила компот. Пошла Зинаида. С ней напросилась младшая сестра Любочка. Накормили детей. Те упростились в гости. Поиграть в саду. Любаша повела, а Зинаида осталась подмести и вымыть полы. Она уже заканчивала, когда Иван Григорьевич проснулся и вышел из своей комнаты. Вид у него был безобразный. Лицо от пьянства опухло. Небритый. Волосы всклокочены. Еще больше похожий на крысу, чем в молодости. Он увидел Зину, вытаращил глаза и заорал:

— Танечка! Ты вернулась! Родная!

Кинулся к Зине, упал на колени и стал целовать её руки. Зинаида не знала, что делать. Она остолбенела и не могла пошевелиться. Обезумевший Иван целовал её руки, ноги. Зина отступала под его натиском, споткнулась, упала. Он продолжал целовать. Ей было противно, она кричала, что не Татьяна Ивановна. Отбивалась. Он не слышал. Лез к ней и лез. Потом произошло то, чего с ней никогда не было. Зина от ужаса потеряла сознание.

Как Иван пришел в себя, увидел, что на полу рядом с ним совсем не его Татьяна, и что было потом, Зина не знала. Когда она очнулась, Иван обезумевшими глазами смотрел на неё и повторял:

— Танечка, где моя Танечка? Что я наделал. Что я наделал...

Выбежал из комнаты. Вернулся выбритый, причесанный, совершенно трезвый. В костюме, белой рубашке, с туго затянутым галстуком. Руки у него тряслись. Он хотел что-то сказать, рот раскрывался, а слова не произносились. Озирался по сторонам. Увидел на столе стакан с остатками компота. Отпил глоток. Тихо, смотря мимо неё, сказал:

— Зинаида Филипповна, выходите за меня замуж. Я пить больше не стану. И обижать вас не буду. Простите, Христа ради. Я не соображал, что делаю. Выходите за меня, — упал на колени и зарыдал.

Зина не могла ни плакать, ни возмущаться, ни отвечать. Она убежала. По дороге домой была истерика. Она тихо выла и, держась за стены домов, чтобы не упасть, медленно шла домой. Дети с Любой играли в саду и не увидели, как она пришла. Родителей дома не было. Она заперлась в ванной комнате. Хотела перерезать вены или окунуться с головой в ванну, утонуть. Возле зеркала лежала отцовская бритва. Взяла в руку. Увидела себя в зеркале. Ужаснулась перемене. Заплакала. Машинально нагрела воду. Залезла в ванну и долго-долго лежала. Потом смывала с себя грязь. Вода остыла, а она смывала и смывала. Наконец, успокоилась. Вышла. Поплелась в свою комнату. Уснула.

На следующий день утром к ним пришел Иван Григорьевич. С большим букетом цветов. Попросил родителей выдать Зинаиду за него. Отец и мать были поражены. Попросили прийти в кабинет Зинаиду. Она постояла перед родителями молча. Выслушала. Кивнула. Согласилась. Единственное, что выдавила из себя:

— Фамилию менять не стану.

Иван засуетился, закивал головой:

— Конечно, конечно.

Свадьба была без гостей. Через девять месяцев родился её сын. Владимир. Еще через год они переехали в Самарканд, но прожили там недолго. Меньше года и уехали в Ташкент, где жил брат Ивана с семьей.

Зина поступила в университет на факультет восточных языков. Жизнь вроде бы начала устраиваться. Она постепенно приравнивалась к советскому образу жизни. Да и к семейному. Управляться с тремя детьми было непросто. Иван все время пропал на работе. Не пил. Наняли няню. Стало чуть легче. Девочки Ивана и Татьяны Ивановны подрастали. Зину они не приняли. Дерзили. Делали гадости. С маленьким Володей тоже было тяжело. А ещё надо было учиться, готовиться к экзаменам. Сдавать их. Она не успевала. Плакала. Иван стал раздражительным. Говорил, что незачем учиться в этом университете. Надо заниматься домом, детьми. А потом снова запил. Девочки тайком таскали золотые колечки, персидские монеты, сережки, которые Зинушке как приданое подарили родители. Меняли их на сладости. Да и пьяный Иван лазил в её шкатулку. Родственники Ивана на Зину косились, не понимая, зачем эта молоденькая девчонка выскочила за него. Ей помогать, как обещал Иван перед отъездом из Мешхеда, никто и не собирался. За пьянство его выгнали с работы. Семья стала бедствовать. Потом куда-то устроился. Ей деньги давать перестал. Сам платил няньке. Остальное пропивал.

Зинаида продолжала учиться, стала подрабатывать на кафедре персидского языка лаборанткой. Переводила с фарси. Время шло. Пришла пора государственных выпускных экзаменов. Иван совсем сорвался. Мешал заниматься. Она убегала из дома с маленьким Володей к няньке, которая жила неподалеку. Наконец в начале лета она заштылилась, получила диплом. Похвасталась дома трезвому мужу, что у неё теперь высшее образование. Тот зло взглянул, выхватил диплом у неё из рук. Разорвал, швырнул в неё и засмеялся. Мерзко, противно. Усики растопорщились, нос вытянулся.

— Мерзкая крыса! — Зина швырнула в него пустой шкатулкой. Промахнулась. Подобрала разорванный диплом и убежала.

Долго она ходила по городу. Плакала. Решила забрать Володю и уйти от этой крысы. Вернулась домой ночью. Застала двух сотрудников НКВД и понятых. Те обыскивали дом. Ничего не нашли. Мужа увели с собой. Утром пришел угрюмый, встревоженный брат Ивана. Сказал, что у них тоже был ночью обыск, но никого не арестовали. Забрал девочек и ушел. Сказал:

— Не бойся, тебя не заберут. Ивана арестовали не по политической статье. Сказали, что украл деньги.

Зина с маленьким Володей осталась одна.

Оказалось, что на Ивана написали донос, будто он пьяный вытащил из сейфа казенные деньги и украл их. Иван ничего не помнил. Говорил, что денег не брал. Деньги не нашли. Через два месяца пришла бумага — Иван Григорьевич умер. Сказали — от дизентерии. Дело в отношении его было прекращено в связи со смертью обвиняемого.

От отца пришло письмо. Он писал, что перевели на работу из Персии в Москву. Спрашивал, как они живут, как Володя, как Иван. Зинаида собрала пожитки, что-то

продала, купила билет на поезд и поехала с ребенком к родителям в Москву.

Ехать в раскаленном под южным солнцем вагоне было пыткой. Вода быстро заканчивалась. Чтобы набрать кипятка на очередной станции, надо было выпрыгивать из вагона, выстаивать в длинную очередь. Потом приходилось ждать, пока вода для ребенка остынет. К этим проблемам накручивались другие: с едой, стиркой детского белья. Измотанная жарой и неустроенностью Зинаида с ребенком добралась до Оренбурга. В Оренбурге стояли долго. Очень долго. Наконец, поезд тронулся, в окна подул ветерок, полегчало.

— Шома Руси мифахмин? (Говорите по-русски?) — услышала Зинаида. Посмотрела вверх и ответила:

— Бали (да).

На неё смотрел и улыбался во весь рот офицер в пограничной форме с прямоугольником на зеленых петлицах.

— Зиночка, неужели это вы! — воскликнул он.

— Костя! — узнала Зинаида.

Из-за спины Кости выглянул другой офицер в такой же форме.

— Виктор, — обратился к нему Константин, — это Зиночка. Про неё у нас на заставе и в резидентуре ходили легенды. Я тогда был начинавшим службу лейтенантом. Мы нутром чуяли, что персидские купцы провозят через границу контрабанду. Все перерывали в их товарах. Все было чисто. Начальство рассказало про эту проблему нашему резиденту в Мешхедском консульстве. Через несколько дней присылают молоденькую вот эту девочку. Она переодевается в паранджу. Садится в уголок, рядом с собой ставит веник, совок и смотрит, как проходят купцы досмотр, слушает, о чем говорят. Молчит. Персы иногда её спрашивают, она встает, кланяется, отвечает на персидском, делает всё, как у них положено. Ну, уборщица, как уборщица, из местного персонала. В час дня у нас обед. Помещение освобождается от людей и закрывается. Эта девочка подходит к нашему начальнику и говорит: «Мешки новые, а на них заплатки». Она делает акцент на слове новые. Отпарываем заплатку, и оттуда вываливаются золотые монеты, разноцветные камни, валюта! И такое почти под каждой заплаткой. Мы месяц бились и не нашли. А эта пигалица за несколько часов все разгадала! Потом мы много раз вместе работали. Ходили, можно сказать, около смерти. Роман можно написать... Зиночка, а где вы теперь? Куда направляетесь?

— Мама, я кушать хочу! — маленькому Володе надоело прятаться за маминой спиной, и он забрался на её колени.

Зинаида вдруг зарыдала.

Офицеры сели на лавку. Зинаида успокоилась и рассказала со всеми подробностями, кроме самых мерзких, о том, что с ней случилось и что не знает, как теперь быть.

За окном желтела оренбургская степь. Выгоревшая. Блеклая. Изредка мелькали одинокие юрты, полустанки. Удивленные верблюды смотрели на прервавший их раздумья поезд. Паровоз чадил дымом, свистел, отгоняя сайгаков от железной дороги.

Константин обнял Зинаиду:

— Зиночка, раз я тебя снова встретил, то чем смогу, помогу. Диплом твой мы легко восстановим. Такие опытные кадры, как ты, на дороге не валяются. Доложу руководству, надеюсь, что ты для ИНО будешь полезна. А будет работа, и остальное приложится. Я правильно говорю? — Константин обратился к Виктору. Тот кивнул и добавил:

— Мы командированы в Москву в центральный аппарат НКВД. Намечаются большие перемены. Профессионалы нам очень нужны. Вы, Зинаида, какими языками владеете?

— Фарси и английский очень хорошо. Прилично французский и немецкий. Немного хинди и турецкий.

Оба присвистнули от удивления.

— Ты где в Москве жить будешь? — спросил Константин.

Зина достала письмо отца. Показала адрес. Костя переписал.

— А теперь пошли к нам в купе, — сказал Виктор, — мы едем вдвоем, а места четыре. Вам с малышом там будет удобнее. Да и покормить будет чем. Нам пайки на дорогу выдали отличные.

В Москве офицеры отвезли Зинаиду с ребенком по адресу. Дверь открыла мать, обомлела. Вскинула руки, заплакала:

— Зиночка, доченька. А мы уж и не знали, жива ли ты...

22.

Анисья Дмитриевна провела Зину в маленькую комнату.

— Зиночка, мы тут все вместе живем. Это комната нашей Машеньки. Она нас к себе пустила. Жила одна, а теперь нас тут шестеро. Это не наш мешхедский дом. Спим

на полу. Еле помещаемся. Герман поступил учиться в институт, технический. Когда выучится, будет инженером. Ему дали общежитие, и он переехал туда. Любаша выходит замуж и переселяется к мужу, Алексею Ивановичу. Он офицер. Учится в академии.

— А где же Машенька? Я её совсем не помню. Как вы её нашли?

— Машенька окончила педагогический институт. Она биолог. Преподает в школе. Придет скоро. Уроки закончатся, она и придет. Я её и сама с трудом узнала, так она выросла.

«Господи, как мама изменилась, — подумала Зина. — Совсем старенькая стала».

Анисья Дмитриевна как будто прочитала её мысли:

— Да, доченька, что-то прибалывать я стала. С тех пор как переехали, неможется мне все время. Плохо здесь. Там, хоть и на чужбине, было лучше. И дом у нас был, и сад, и птичник. Всего было в достатке. А тут ютимся в одной комнатенке. Ох, Зиночка, по-моему, зря мы вернулись. Все тут чужое стало. И жизнь какая-то чужая. Не привыкну я к ней. И отец ходит, будто в воду опущенный. Видится мне, что другого он ожидал. Растерялся. Только виду не подает. Говорит, все образуется. А мне кажется, что ничего не образуется. Может быть, как-то приспособлюсь, свыкнусь. Одно хорошо — Машенька рядом. Хорошенькая, умненькая. Она-то тут хорошо живет. Все про новую жизнь понимает. Одна у меня радость, что наконец-то она с нами рядышком. Да вот теперь ты приехала.

Соседей не было. Зинаида принесла воду из колонки на улице, нагрела ее, искупалась, искупала Володю, передела ребенка в чистую одежду. Сама переделалась. Постирала белье. Пообедали. Постным борщом, кашей, заправленной постным маслом. Зинаида уложила Володю спать и сама задремала.

Её разбудил звонок. «Машенька пришла!» — мелькнуло в голове. Она вскочила с кровати, по дороге к двери причесалась и открыла. Перед ней в проеме входной двери стояла она сама! Будто отражение в зеркале.

— Машенька! — радостно прошептала Зина. — Машенька, я тебя почти не помню. Когда мы в последний раз виделись перед отъездом в Персию, я были совсем маленькая. Какая ты красивая, взрослая!

— Зиночка! Миленькая моя сестричка, как я рада, что ты здесь!

Машенька была одета в темно-синее платье, которое должно было подчеркивать строгость и значимость учительницы, а белый шарфик, повязанный вокруг шеи, делал этот образ привлекательным и добрым.

— Господи, как вы похожи, — улыбалась Анисья Дмитриевна, — доченьки мои, — она взяла их за руки, повела в комнату.

23.

Представьте себе Москву начала тридцатых годов. Господи, что я такое говорю, вы и пятидесятых годов представить не сможете, а уж тридцатых... В начале тридцатых. Без метро, без широких проспектов. Москву, начиненную бесчисленными коммунальными квартирами, сотворенными делением больших и просторных квартир в бывших доходных домах и усадьбах. С перегородками, смастряченными из досок, криво-косо оштукатуренных и побеленных.

На общих кухнях топили дровами и углем плиты, варили еду на керосинках и прирусах, стирали белье, мыли детишек в оцинкованных и жестяных, вечно гремящих ванночках. Не было ни центрального отопления, ни кранов с водой, ни газа. Воду, чтобы помыться и приготовить еду, носили в ведрах. Зимой топили печки. Дрова и уголь заготавливали и хранили кто где. На окраинах деревянные бараки. Осенью на дорогах непролазная грязь.

А в домах, оставшихся от знати и богачей, давно, аж с начала века, был газ. Его делали на заводе «Нефтегаз» из нефти. Газ в большинстве квартир обычных горожан появился в конце сороковых годов, когда построили газопровод от месторождений в Саратовской области. Зато в квартирах было электричество.

Дороги по большей части были из булыжника. Хотя первый асфальт в Москве положил аж в 1873 году купец Александр Пороховщиков на улице возле своего ресторана «Славянский базар». В 1927 году положили асфальт на Тверской, но в это же время кое-где в Москве еще оставались и деревянные мостовые. Постепенно булыжник заменяли на брусчатку. Но даже в самом центре это было нескоро. Даже на Красной площади булыжник заменили брусчаткой из диабаз только в 1930 году к открытию каменного мавзолея В.И. Ленина. Диабаз — так тогда называли базальт. Его для этой цели привозили из Крыма.

До работы в тридцатые годы люди добирались на всегда переполненных, гремящих и звенящих деревянных трамваях. Те, кто был побогаче, могли себе позволить прое-

хоть на извозчике, летом в коляске, а зимой по снегу на санях. Советские чиновники высокого ранга, большие красные командиры и сотрудники организаций, про которые не принято упоминать всуе, ездили на автомобилях с шоферами.

Автобусов было немного. Они только начинали вытеснять трамваи. Первый автобусный маршрут появился в конце лета двадцать четвертого года. Тогда несколько автобусов привезли из Англии. Ходили они от Каланчевки до Александровского вокзала, теперь называемого Белорусским. Москвичи еще долго помнили об этом. Автобусы понравились. Ими стали заменять трамваи. Разбирали рельсы, расширяли дороги, и вместо трамваев в центре, а потом и на окраинах, в середине тридцатых как символ новой жизни появились автобусы. Но ещё большим символом стала буква «М». Большая красная буква «М», которую придумал архитектор Иван Таранов. Удивительно, но и теперь она, эта красная буква, украшает и обозначает входы во все станции метро.

Осенью тридцать четвертого года от «Комсомольской» до «Сокольников» проехал первый поезд метро. И пошло, и поехало!

Первую очередь метро от станции «Сокольники» до станции «Парк культуры» с ответвлением от станции «Охотный ряд» до станции «Смоленская» открыли весной тридцать пятого. Про это написал шутовское стихотворение поэт Ярослав Родионов, а композитор Никита Богословский в сороковых годах написал музыку, получилась замечательная «Песня старого извозчика». Пел её Леонид Утесов. Вы наверняка слышали:

*Только глянет над Москвою утро вешнее,
Золотятся помаленьку облака,
Выезжаем мы с тобою, друг, по-прежнему
И, как прежде, поджигаем сегода...*

Тринадцать станций первой ветки заработали. Это было счастье для города почти с четверть века с половиной миллионами жителей.

Про метро ходили разные слухи. Будто тоннели заваливались, люди сотнями гибли под этими завалами, будто в пожарах, которые были под землей, строители сторали в шахтах. И что отдельную ветку построили прямо в Кремль, в кабинет к Сталину.

Не буду напоминать о взорванных или переделанных под разные конторы, цеха, склады сотнях церквей. Жаль, конечно, бесконечно жаль старинную Москву. Старые москвичи говорили, что облик города безвозвратно изменился. Но на месте старых зданий возводились новые. Как всегда в жизни, кто-то сожалел об утраченном, кто-то радовался новому. Жизнь продолжалась.

Мария показывала Зине свою Москву, которую хорошо знала и любила. Набережные, старинные красивые дома, украшенные атлантами, держащими на плечах балконы, дома со львами, охранявшими высокие дубовые двери, химерами, отпугивающими беды.

Рассказывала, что занимается в театральной студии, которой руководил сначала сам Евгений Багратионович Вахтангов, а потом его ученики. Что её, шестнадцатилетнюю девушку, игравшую в студенческих спектаклях главные роли, сам Вахтангов в 1921 году пригласил в свой театр, но она не пошла. Хотела быть учительницей биологии. Учить детей. А любовь к театру осталась. Она и сейчас участвует в любительских спектаклях, а в Вахтанговский театр часто ходит по контрамарке, потому что её там многие знают. Говорила, что у неё даже есть поклонники.

— А что это за театр такой? — спросила Зина. — Я, к сожалению, про театры почти ничего не знаю. В консульстве до революции мы ставили маленькие спектакли к Рождеству и Пасхе, а в советское время к революционным праздникам, но на этом мои знания о театре и заканчиваются.

Маша начала долгий и подробный рассказ о любимом театре.

24.

В 1912 году Машенька поступила в гимназию. Училась хорошо. Учителя хвалили её. Филиппу Мефодиевичу и Анисье Дмитриевне было жалко прерывать обучение дочки. Ехали они в Персию всего на несколько лет, потому решили оставить Машеньку в пансионе. На полном обеспечении и проживании. Пансион был хорошим, в этом многократно убедились, поговорив и с детьми, которые там жили, и с их родителями. Спросили дочку. Машенька согласилась. Особо родители не волновались — рядом, в Богородске, оставалась старшая дочь Шура с мужем. Та обещала присматривать за сестричкой и, если что, забрать к себе. Оплатили за несколько лет пансион, перекрестили Машеньку и уехали со спокойным сердцем.

А получилось вот как... В 1914 году началась война, и они с Любашей, Зинушкой и Германом из Персии вернуться не смогли. Шура, когда её оставил муж, с маленькой

дочкой Ниночкой, все на свете позабыв и все бросив, перебралась в Мешхед. Потом в 1917 году — революции. Потом Гражданская война. Вернулись только в тридцать пятом, в другую страну.

Машенька не пропала. Выжила. Закончила институт, стала учительницей биологии. Преподавала. В голодные годы организовала в школе теплицу. Во дворе, за высоким школьным забором, вместе с учениками высаживала картошку, лук, морковь, капусту. Берегли и охраняли всей школой от воров урожай. Потом сохраняли его в подвале и подкармливались голодной зимой. Так выживали. Умную практичную учительницу руководители заметили. Опыт распространили. А ей, жившей, за неимением своего угла, в кабинете биологии, городские власти выделили комнату недалеко от школы.

Не меньше своей биологии Машенька любила театр. Любила его всем сердцем. Играла сначала в студенческих спектаклях главные роли. Вела в школе драматический кружок. Когда Моссовет организовал при Народном театре для рабочих Замоскворецкого района пролетарскую студию, поступила в неё. Почти сразу ей начали давать главные роли. Занятия в этой студии часто вел Вахтангов. Евгения Богратионовича Маша боготворила. Считала своим учителем. И она ему понравилась. Понравилась искренностью. Должно быть, Маше было дано от природы превращаться в своих героинь. Произносить придуманный авторами текст так, будто он был её родным. Было у неё и врожденное чувство пластичности. Маша хорошо запомнила слова Вахтангова о том, что актер должен заниматься пластикой для того, чтобы воспитать в своем теле чувство пластичности, чтобы бессознательно проявлять пластичность и в движениях, и в умении носить костюм, и в способности лепить из себя что угодно, в жесте, музыке речи, логике чувств.

Он предложил Машеньке перейти в его театр работать артисткой. Ей хотелось, очень хотелось, но и свою биологию она любила. Любила учеников. Да вдобавок не хотела быть неблагодарной. Несколько дней думала и отказалась.

Мария осталась в студии. Котлубай, Завадский, Захава преподавали там. Маша рассказывала Зине о последнем спектакле, который поставил её учитель. О спектакле «Турандот». Его она видела много раз. Спектакль этот особенный. Особенный не только для театра, который назовут его, Вахтангова, именем. Спектакль особенный для истории российского театра.

— Зиночка, как только в театре будет «Турандот», мы с тобой обязательно пойдем на спектакль.

Через несколько дней это случилось. Они сидят в зале близко к сцене на приставных стульях. Заиграла музыка, раздвинулся занавес, начался спектакль. На сцене декорации — большой зал, обшарпанный и полуразрушенный. На заднем плане огромное окно. За окном улица. Машенька на ушко шепчет Зине:

— Это Арбат.

Маски под музыку раскланиваются перед публикой. Надевают свои головные уборы и объявляют хором, что «представление сказки Карло Гоцци «Принцесса Турандот» начинается». Сразу, с первых слов масок всем понятно, что это игра в театр, что артисты не просто играют роли «масок» Труффальдино, Бригеллы, Панталоне, Таргалья, а изображают итальянских комедиантов, играющих эти роли. Да вдобавок очень смешно.

Под музыку, затягивающую в спектакль, разворачиваются события пьесы, про которые Зине уже рассказала Маша, а потому ей все понятно. Актеры одеты смешно. На одном, который играет хана Тимура, вместо бороды привязан длинный шарф. У другого вместо восточного тюрбана абажур, вместо царского скипетра ракетка для тенниса с порванными струнами, а вместо державы мяч. Самыми смешными Зине показались маски и мудрецы. Во что только они не одеты! Каждой их фразе зал отвечает смехом. Постоянно кричат «браво», постоянно хлопают. Когда к принцу Калафу приходит мать одной из рабынь, она вместо пера и чернильницы приносит пишушую машинку, и зал снова взрывается от смеха.

Оркестр выглядывает из оркестровой ямы. Музыканты тоже смеются. Один из них играет на губной гармошке. Другой на расческе с папиросной бумагой, и получается очень смешно. Труффальдино, Бригелла, Панталоне, Таргалья постоянно импровизируют. Актеры играют потрясающе.

Спектакль прорвался, как одно мгновение. Открылись двери. Зрители стали выходить. Все делятся впечатлениями о спектакле, все в восторге.

Зина и Машенька идут по темным улицам осенней Москвы, сначала молча, потом Зина начинает говорить. О спектакле, о жизни, о себе.

— Машенька, а ведь я впервые в жизни была в театре. В Мешхеде никаких театров не было. А в Ташкенте мне было не до театров.

Она стала рассказывать, как помогала в Персии отцу, работала в резидентуре.

Маша даже слова такого не знала. Потом Зина поведала все про свое замужество, рождение Володи, свои бедствия, случайную встречу с пограничниками.

Маша под строжайшим секретом рассказала, что встречается с профессором.

— Он старше меня, женат, но мы любим друг друга. Он уже нашел для нас квартиру, и я перееду на днях к нему, — шепчет она Зине, — а в этой комнате, где мы все живем сейчас, надо срочно всех вас прописать, и тогда эта комната останется за вами.

— Ох, Машенька, — так же шепотом отвечает Зина, — главное, чтобы вы любили друг друга, — вздыхает и добавляет: — А еще, чтобы он не пил. Ты работу ни в коем случае не бросай. Вдруг что, у тебя останется работа. Не пропадешь с голода. На насто, сама видишь, надежда теперь плохая. Я очень надеюсь, что Костя поможет мне с работой, но это же не от него зависит.

25.

Через несколько дней вечером приехал Костя, сказал, что завтра Зине со всеми документами надо утром в 9.00 быть в наркомате. Он её встретит возле входа в новое здание в Фуркасовском переулке и проведет к начальнику.

Без десяти девять Зинаида подошла к зданию. Возле входа ждал Константин. Вошли. Константин показал дежурному пропуск и свое удостоверение. Охрана проверила документы Зинаиды. Костя повел её по длинным коридорам с дубовыми дверями с обеих сторон, поднимались и спускались по широким лестницам. Шли долго.

Костя шепотом рассказал Зине, что они идут к недавно назначенному начальнику ИНО ГУГБ НКВД СССР Абраму Ароновичу Слуцкому. Раньше он был заместителем у Артузова, а еще до того главным резидентом ИНО по всей Европе. А в двадцатых годах работал в Средней Азии начальником секретно-оперативной части ташкентской и ферганской ЧК. Был председателем судебной коллегии Верховного трибунала в Туркестане.

— Это очень серьезный и ответственный человек. Когда спросит, отвечай коротко и четко. Только на то, что спросит. Если спросит, почему хочешь у нас работать, отвечай, что хочешь бороться с врагами СССР. Имеешь опыт и знаешь языки.

Наконец вошли в приемную. Зина разволновалась. Её начало слегка потрясывать. В приемной на пишущей машинке печатал молодой офицер. Он прервался, кивнул Константину и спросил, глядя на Зину:

— Тимофеева Зинаида Филипповна?

— Так точно.

— Ожидайте, сейчас доложу, — допечатал листок, вытащил его из машинки и ушел с ним в кабинет. Минут через пять вернулся. — Входите.

В большом кабинете за красивым письменным столом сидел широколицый, лысеющий мужчина с орденами Красного Знамени и знаками «Почетный чекист».

— Здравствуйте, я Зинаида Тимофеева, хочу у вас работать.

Страх и волнение вдруг исчезли.

— Здравствуйте, — начальник оторвался от бумаги, которую читал, внимательно посмотрел на Зину и спросил: — Почему? Разве мало в Москве других интересных для молодой девушки дел и работ?

— Давно, в детстве, меня сбросила необъезженная лошадь. Я упала и сломала позвоночник. Вылечить смогли только люди из одного индийского племени. Они жили в Голубых горах. Англичане отняли у них землю обманным путем. С тех пор я ненавижу всех эксплуататоров. Выучила разные языки, чтобы бороться с ними и помогать угнетенным.

Начальник заинтересовался необычным ответом:

— Сделаем так. Вы в приемной напишете свою биографию на всех языках, которые знаете. А ко мне снова придете послезавтра, в это же время, — поднялся, подошел к Зинаиде, протянул ей руку. Она пожалала. Рука была теплая и твердая. — Удачи. Попроси у секретаря столько листов, сколько языков знаешь. Исправлять ошибки разрешаю, правки тоже. Как начнешь писать, поставь точно время на первом листе, а когда закончишь, поставь время на последнем листе после подписи. Теперь все. Свободна.

— Есть, — ответила Зина, как когда-то её учил резидент в Мешхеде, и вышла из кабинета.

Секретарь, получив инструкции от начальника, спросил:

— Сколько листов?

— Шесть.

Он отсчитал листы, показал ей на стол напротив него. Поставил чернильницу, ручку, посмотрел на большие часы, висевшие над дверью в кабинет:

— Записывайте: девять часов шестнадцать минут.

С фарси, английским, немецким и французским Зина справилась быстро. Турец-

кий текст написала сначала арабскими буквами, а потом вспомнила, что сейчас они начали писать латиницей, повторила, но в латинском варианте. Букв хинди Зинаида не знала, потому написала в русской транскрипции, за что в конце текста извинилась и объяснила, почему сделала так. Посмотрела на часы и поставила точное время. На все у неё ушло немногим более часа. Передала листы секретарю. Тот посмотрел на часы, поставил подпись, подтверждающую время получения листов. Потом проводил Зину в комнату, на двери в которую ничего написано не было. Комната была маленькой, почти посередине стоял обшарпанный стол. За ним сидел пожилой мужчина в форме, но без знаков различия. На столе была пачка листов, чернильница и ручка.

— Присаживайтесь, — сказал он и представился. Зинаида в ответ назвала себя. — Заполните, пожалуйста, анкету, — он протянул ей толстую пачку листов с вопросами, отпечатанными типографским способом. — Будьте внимательны, ошибаться и допустить исправления не допускается. Если что-то непонятно, спрашивайте.

Зина внимательно стала читать, обдумывала каждый вопрос, спрашивала, если что-то ей казалось непонятным, и только потом заполняла анкету. Часа два длилась эта пытка. Анкета вывернула её наизнанку. На все вопросы она отвечала искренне. Были вопросы и про родственников, близких и дальних, и про их происхождение, и про болезни её и родителей. Чего только не было в этой анкете. Некоторые вопросы, по сути, повторялись, но формулировались по-другому. Зина такое много раз замечала, соображала, что перепроверяют, но вида не подавала. На некоторые вопросы не знала ответов.

— Так и напишите, — говорил экзаменатор безразличным тоном, — сведений не имею.

Наконец анкета была заполнена.

— Ох, и устала же я! — честно призналась Зина.

— Все устают. А теперь последнее усилие, — он протянул ей точно такую же пачку листов: — Пожалуйста, заполните то же самое по второму разу.

— О боже!

Мужчина встал, налил стакан воды из графина, стоявшего на подоконнике:

— Выпейте, это взбодрит и придаст силы.

Второй раз она заполнила быстро и вопросов не задавала. Когда передавала листы, не удержалась:

— Здорово придумано! Но если человек подготовлен и память хорошая, то все равно может обмануть.

— Может, — добродушно кивнул экзаменатор.

Потом объяснил о режиме секретности и мерах ответственности, взял подписку о неразглашении сведений о работе НКВД, снял отпечатки пальцев, провел в соседнюю комнату, где сделали фотографии Зины. После чего отвел в кабинет Константина.

Константин обрадовался, что она прошла первый этап приема. Поздравил, сказал, что все время теперь и на работе, и дома, и на улице надо быть внимательной, аккуратной, точно и вовремя выполнять то, что прикажут. Показал на плакат, висевший на стене, и прочитал то, что на нем было написано: «Не болтай!» Зина засмеялась.

— Нет, Зиночка, это очень серьезно. За короткое словцо можно получить длинный срок! Я не пугаю. Это действительно так. О работе нигде и никому, даже самым близким, ни о том, в каком отделе работаешь, чем занимаешься, и так далее ни слова. Даже мне ни слова. Знаю, что подписку ты уже дала. Мне поручили ввести тебя в курс общей обстановки, потому ввожу. И еще раз прошу соблюдать режим секретности. Любая мелочь, сказанная даже по оплошности, случайно, может привести к гибели наших товарищей. Секретные сведения должен знать только тот, кому они предназначены для работы. А в твоей и моей работе секретно все. И сколько человек работает в кабинете, и на какой бумаге пишем, и так до бесконечности, которую можно объединить одним словом — всё.

Зина давно, еще в Мешхеде, это знала и там научилась говорить о чем угодно, но не о работе.

— Костя, милый Костя, я давно это знаю. Спасибо, что тревожишься обо мне. Я тебе очень благодарна, что помогаешь устроиться на работу туда, где я всегда мечтала работать. Должно быть, это судьба мне тебя послала.

Костя покраснел, засмутился, пробормотал:

— Да что ты. Ничего я такого не сделал.

Потом он рассказал, что Абраму Ароновичу Слуцкому 37 лет. Что вырос и выучился он в гимназии в городе Андижане, куда семья переехала с Украины. Во время мировой войны служил солдатом в царской армии. После революции вернулся домой, работал в Андижане в горкоме партии. В 1919-м был назначен председателем уездного революционного трибунала. Потом был на Туркестанском фронте. С 1920 года в ВЧК. Был председателем Пиш-Пекской уездной чрезвычайной комиссии, начальником Ан-

дижанской уездной ЧК, начальником секретно-оперативной части Ташкентской, затем Ферганской ЧК. Летом 1922 года назначен заместителем председателя Верховного трибунала Туркестана, затем председателем судебной коллегии. В 1923 году переведен в Москву. Работал помощником начальника экономического управления ОГПУ. Занимался промышленным шпионажем. Первый орден Красного Знамени получил за операцию по хищению технологии производства шарикоподшипников в Швеции. А ещё ему удалось повернуть операцию и получить 300 тысяч долларов у шведского «спичечного короля» за то, что СССР не выбросит на мировой рынок огромную партию дешёвых спичек советского производства. В начале 1930 года стал помощником начальника иностранного отдела, потом заместителем Артура Христиановича Артузова, а после ухода того в военную разведку возглавил политическую разведку. Костя говорил, что разведчики его уважают, что он большой профессионал. Сам работал резидентом в Берлине и хорошо понимает это дело. Говорил, что умный, вежливый внимательный. Что сейчас штат у него сильно вырос — более двухсот человек. Вот с таким человеком предстояло работать, если, конечно, он её примет в штат.

26.

Через день Зинаида точно в назначенное время вошла в приемную. Тот же молодой лейтенант сказал:

— Сейчас доложу, — и скрылся в кабинете начальника. А через минуту Зинаида была там же.

Слуцкий встал, вышел из-за стола, направился к ней. В прошлый раз она его почти не разглядела. Темно-синие брюки галифе с малиновыми кантами были идеально отглажены. Хромовые сапоги блестели. Новая шерстяная гимнастерка темно-защитного цвета. Выше накладных карманов два ордена Красного Знамени и два знака «Почётный работник ВЧК-ГПУ». На каждом рукаве пониже локтя четыре большие красные звезды, окантованные золотым шитьем. Три в ряд и четвертая под ними посередине. На левом рукаве немного выше локтя еще один вышитый знак — овалный, золотого цвета с серебряными серпом, молотом и мечом посередине. «Как же я все эти знаки запомню и буду отличать?» — мелькнуло в голове Зинаиды.

Комиссар государственной безопасности второго ранга расправил гимнастерку под ремнем, пожал руку, сказал:

— Поздравляю, Зинаида Филипповна, предварительную проверку вы прошли. На работу в качестве стажера приняты. Восстановленный диплом в ближайшие дни доставят. Я направляю вас в научно-технический отдел. Стажировка три месяца. Если успешно пройдете стажировку, оформим в штат. Образование у вас высшее, так что будет присвоено звание сержанта государственной безопасности. Звание это введено недавно и соответствует лейтенанту Красной армии с соответствующим окладом и продовольственным пайком. Оклад и паек будете получать с завтрашнего дня. Пропуск получите завтра же утром в бюро пропусков.

Он провел Зину в кабинет, где ей предстояло работать. Там за столом сидел офицер лет тридцати пяти. Остальные три стола были свободны. Офицер, увидев начальника, встал и доложил:

— Товарищ комиссар второго ранга, оперуполномоченный старший лейтенант Дунц, занимаюсь порученным заданием.

— Вольно, Карл Адамович, привел к вам на стажировку Зинаиду Филипповну Тимофееву. Знает шесть языков. Поручаю её вам. Предоставьте ей английские, французские и немецкие газеты за последние полгода. Объясните, как, что, зачем и почему. Короче, вводите в работу. От обнаружения интересующих материалов до составления аналитических отчетов. Ну и подключайте к повседневной текучке.

— Слушаюсь.

Начальник пожелал Зинаиде успешной стажировки и ушел.

Старший лейтенант был сероглазым, симпатичным, с приятными манерами. Вид у него был западный, да и говорил он с (хотя почти незаметным) акцентом. Он рассказал, что она в восьмом научно-техническом отделении разведки. Что начальник и его помощник сейчас в командировке, а он оперуполномоченный. Почти два года назад вернулся из Германии. Был в легальной резидентуре в Гамбурге.

— Сейчас, кроме текущей работы и обработки полученных в Германии материалов, усиленно штудирую английский. Я латышский стрелок. В молодости охранял Ленину в Горках. Много раз его видел и даже разговаривал с ним, — он показал Зине стол, за которым она будет работать. Отвел в архив, объяснил, как получать газеты и журналы для работы, как их потом сдавать. Что в них искать. — Ваша задача на этом этапе, изучая разные статьи, углядеть, что у них делается нового из техники и науки. Особенно в военной области. Где делается и как. Кто в каких частях служит и чем ко-

мандует. Основная задача нашего отделения — получение новых технологий для советской промышленности. Если эксперты сочтут, что ты обнаружила что-то стоящее и что это необходимо для нашей страны, тогда это будут раздобывать агентурным путем. Возможно, и тебя подключат к работе за границей. Собственно, это и есть научно-техническая разведка, — закончил он. Подумал и добавил: — Не стесняйся, спрашивай про все, что непонятно. Чем скорее войдешь в курс дел, тем быстрее получишь самостоятельное задание. Пока я здесь, во всем, что знаю, помогу. Если знаешь английский, давай на нем практиковаться. Это пригодится.

Зина начала обустраивать свое рабочее место. В хозотделе получила бумагу, ручки, чернила, карандаши и остальное, необходимое для работы. Выдали ключ от сейфа, в котором должна будет хранить все наработанные материалы. Объяснили, куда этот ключ перед каждым уходом сдавать и как его получать.

На следующее утро она уже изучала первую подшивку английских газет.

27.

Прочитав несколько номеров из первой подшивки газет, Зинаида поняла, что английский она почти не забыла. Словарем пользовалась всего несколько раз, да и то, скорее, для того, чтобы убедиться в правильности перевода. Ничего, на её взгляд, полезного в газетах не было. Она начала переживать, что не справится с заданием, завалят работу на самой первой стадии и её выгонят.

— Не переживайте, Зинаида, — успокоил Карл, — искать в этих газетах что-то значимое — все равно что мыть золото на прииске. Тонну земли перевернешь, пока найдешь маленькую золотую блестящую крупинку. Главное, не отчаиваться и придумать какой-то свой способ обнаружения. Скорее всего, зацепка будет по каким-то косвенным признакам.

Читать английские газеты было интересно. Она как будто оказывалась в другом мире, непохожем на здешний. Интереснее всего было читать светскую хронику. Кто из английских великосветских дам как был одет, с кем пришел на бал, кто родственники. Она закрывала глаза и представляла, как бы сама выглядела на таком балу, что бы надела, с кем пришла и танцевала. Ей казалось, что её приглашает на танец офицер, берет за руку, и они под музыку Штрауса кружатся в вальсе, как когда-то давным-давно в детстве на балах в Мешхедском консульстве.

«Стоп! — мелькнуло в голове. — Офицеры! Дамы и офицеры. В этой хронике написаны фамилии офицеров, часто упоминается, где они служат, с кем помолвлены неженатые, кто жены у женатых. Кто родители у девиц. Да это же кладезь информации!»

Зинаида начала составлять схемы и таблицы. Постепенно из разрозненных кусочков, как из маленьких плиток мозаики, стала складываться цельная картина. Ей становилось понятным, кто где служил, кто за что отвечал. Кто родственники, а кто с кем собирается породниться и почему. Какая дивизия где находится и какая куда переведена. Более того, она стала понимать, почему на приеме или на званном ужине большой военный чин за столом сидит рядом с крупным промышленником. Чем этот промышленник занимается. Какая его фабрика, что производит и где располагается.

Работа пошла веселее. Ей стало интересно искать эти самые крупинки золотых сведений в тоннах словесного мусора. Через две недели материала накопилось столько, что она поняла — пора писать отчет. К этому времени вернулись из командировки начальник Софья Борисовна Иоффе и её помощник Саул Аронович Саулов.

Карл Адамович и остальные, с кем она соприкасалась по работе, говорили: «Начальник отделения Иоффе». В документах, которые читала Зинаида, было написано: Иоффе С.Б. А оказалось, не начальник, а начальница. Строгая прокурорная женщина. Таких потом много лет спустя показывали в художественных фильмах про революцию — кожаная куртка, красная косынка, худая, властная, не терпящая возражений, с маузером на боку. А эта совсем не такая. Да, худая, да, с виду строгая. А на самом деле, как показалось Зине, уставшая. Одета в гражданскую одежду, которая походила на военную, да и сшита, судя по всему, из выданной форменной ткани. Синяя блуза с накладными карманами, длинная юбка темно-защитного цвета и хромовые сапоги. На блузе повыше кармана прикреплен знак почетного чекиста. Она казалась намного старше остальных сотрудников отделения. Говорила тихо и медленно, как будто подбирала слова, а голос был низкий.

— Знаю про вас, товарищ Зинаида Филипповна Тимофеева. Начальник ИНО товарищ Слуцкий возлагает на вас большие надежды. У нас не хватает кадров, свободно владеющих иностранными языками. В нашем восьмом отделении — Карл Адамович, а теперь вы. Как продвигается аналитическая работа? — начала разговор она.

— Сначала было непросто. Мне помог Карл Адамович, — умышленная Зинаида решила на всякий случай похвалить оперуполномоченного, — он дал несколько полез-

ных советов, и дело пошло. У меня почерк неразборчивый. Если будет пишущая машинка, я могла бы отпечатать отчет с данными по некоторым генералам, их семейному положению, связям, интересам, друзьям, с кем помолвлены их дочери или на ком собираются жениться сыновья, где базируются их части, кто владелец нескольких заводов, выпускающих военную продукцию, и так далее.

— Машинку завтра получим, печатайте, — кивнула начальница и с уважением посмотрела на Зинаиду уже внимательно.

Зинаида давно научилась быстро печатать. Еще в Персии. Да и потом, когда подрабатывала в Ташкенте, много печатала. Потому, когда на следующий день из хозотдела принесли машинку «Ундервуд» и поставили на её стол, сразу принялась за дело. Печатала, будто строчила из пулемета. Мужчины в кабинете стали улыбаться. Видать, надоело сидеть в тишине, было видно, что хотят подойти, заговорить.

Первым подошел помощник начальницы старший лейтенант госбезопасности Саулов. Кареюкый брюнет восточного вида с тонкими чертами лица пошутил:

— С появлением пишущих машинок количество писателей резко уменьшилось, зато количество печатателей резко увеличилось.

— Не писателей, а писарей! А печатателей давным-давно называют машинистками. Причем мужчин, шлепающих по клавишам, машинистами не называют, потому что это женская профессия. А мужчина-машинист — управляет паровозом.

— Да, ничего в этом деле не поймешь. Верно говорил Козьма Прутков: «Щелкни лошада в нос, а она востом мотнет», — согласился Саулов.

— Это точно, — вступил в болтовню Карл Адамович, которому надоело изучать очередную книгу про промышленную географию США. Бдительная начальница пресекала их:

— Знания ваши похвальны, но, как там же сказано: «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану». Хватит болтать, за работу! А то как павлины, распустили хвосты, — посмотрела на Зинаиду и спросила: — Когда отчет будет у меня на столе? Печатаете быстро, одобряю.

— К концу дня, Софья Борисовна, закончу.

28.

Утро было пасмурным, а настроение хорошим. Спина особо не болела, колени тоже. На улице намечался дождь. Зинаида Филипповна в окно долго смотрела на небо. Смотрела, сколько голубых просветов, и прикидывала, можно ли из них сшить матросику штанишки. Про эти штанишки она узнала в первый год своей жизни в Москве.

Она уже работала. В выходные гуляла с Володей. Иногда к ней присоединялась Машенька. В этот раз они должны были встретиться в сквере на Чистых прудах. Маша пришла с подружкой Ирочкой.

— Ирина, — представилась та, сделала шутливый книксен, улыбнулась и дополнила: — Ирина Михайловна, собственной персоной.

— Зина, с собственным сыном, — Зиночка показала на маленького Вову.

— Наш человек, — Ирочка взглянула на Машу, подмигнула и повторила: — Наш человек!

Взяла Зину и Машу под руки, оказалась посередине, и они пошли по бульвару.

Зина опасалась, будет ли дождь. Она забыла взять зонт. Беспokoилась о Володе, как бы тот не простудился, не заболел, поглядывала на небо, спрашивала:

— Машенька, будет дождь или нет?

Маша пожимала плечами:

— Да кто же его знает.

Ирина Михайловна остановила всех, сказала:

— Эх, вы, не знаете простых вещей! Смотрите на небо, — темные низкие облака заволакивали небо, но не полностью. Сквозь голубые куски пробивались редкие лучи солнца. Ирина спросила: — Ну, и что вы видите?

— Серое небо. И что?

— А вот что. Скажите, можно из голубых лоскутов неба сшить матросику штанишки или нет?

— Господи, Ирочка, ну что за чепуху ты говоришь! Какой матросик, какие штанишки! — шутливо возмутилась Маша.

— Можно, можно! — радостно закричал Володя, до того молчаливо облизывавший леденцового петушка. И стал показывать на большой просвет, из которого выглядывало солнце.

— А пожалуй, верно говорит Володя, — заулыбалась Ирочка, — можно сшить матросику голубые штанишки.

— И что это значит? — удивилась Зина.

— А это значит, что дождя не будет. Так меня мама в детстве учила: если из голубых лоскутков можно сшить матросику штанишки, значит, дождя не будет.

В тот день дождя и вправду не было.

«А вот нынче, должно быть, пойдет дождь, гулять не пойду, поработаю». Зинаида Филипповна отошла от окна, включила компьютер, уселась в удобное кресло на колесиках. Очередной раз мысленно похвалила внука за удобный подарок, начала печатать. После нескольких строчек вспомнила, как на «Ундервуде» надо было с силой бить по клавишам, как потом вечером у неё ныли уставшие пальцы. Подумала, какое наслаждение печатать на этой клавиатуре. Как изменилась жизнь. Вспомнила, как читала английские газеты. Ручку с пером обмакивала в чернильницу, переписывала из статьи нужные фразы, считала строчки, чтобы сослаться на текст. И как просто сейчас. Забил в поисковую строку, что хочешь найти, и пожалуйста! Тысячи ответов. Весь мир перед тобой. Только не ленись, соображай и выбирай то, что надо. Отделяй зерна от плевел. А тогда она долго подбирала материал из британских газет, переписывала. Потом компоновала в единый отчет и уже потом то, что получилось, распечатывала на этом самом «Ундервуде».

Вот примерно что у неё получилось:

«ОТЧЕТ ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ:

Главой имперского Генштаба с февраля 1933 г. назначен генерал Арчибальд Монтгомери-Массингберг. Сухопутные силы Великобритании к 1935 г. находятся в удовлетворительном состоянии, но не в приоритетном. Территориальная армия около 134 тыс. человек, а общая численность вооруженных сил империи, включая колонии, составляет к 1934 г. 943,2 тыс. человек.

Генеральный штаб отслеживает новые технические разработки особенно в Германии. Начальник Генштаба фельдмаршал Дж. Милн считает Германию основной угрозой, а потому предлагает модернизацию сухопутных сил путем механизации и развития танковых подразделений. Но есть и другая влиятельная группа военных, которую возглавляет первый морской лорд Э. Чатфилд. Они в качестве основной угрозы рассматривают Японию и считают необходимым усиление флота, а не сухопутных сил.

Политические круги Британской империи, снижавшие финансирование армии и флота из-за экономических трудностей в стране, приходят к решению в необходимости увеличения расходов на военные нужды. Для определения приоритетов в структуре имперского комитета обороны в октябре 1933 г. создан комитет оборонного планирования. В него вошли заместитель канцлера казначейства, заместитель министра иностранных дел, начальники штабов армии, авиации и флота. На первом заседании комитета в ноябре 1933 г. все стороны высказали свои аргументы. В частности, министр авиации сказал, что «если Британия не ответит на германское перевооружение, то ситуация в дальнейшем будет только ухудшаться». В результате в 1933 г. военные планы допускали возможность ведения войны одновременно против Германии и Японии.

Члены комитета поддержали выделение на эти цели дополнительных ассигнований в течение последующих пяти лет, но отвергли планы по модернизации сухопутных сил в целом. Начиная с 1934-1935 годов Великобритания приступила к перевооружению вооруженных сил. В первую очередь авиации и флота. Сухопутных войск перевооружение почти не касается из-за недостатка финансирования. В прессе пишут, что с начала 1930-х годов нарастает несоответствие сухопутных сил Великобритании изменениям геополитической обстановки и условиям ведения современной войны. Однако с середины 1935 года в прессе постоянно ведется обсуждение вопросов модернизации сухопутных сил и стратегии Великобритании в предстоящем европейском конфликте.

И ещё. В 1932 году в Лондоне сформирован британский союз фашистов. Его лидер — аристократ Освальд Мосли, который намеревался вырастить союз в полноценную политическую партию. Он отстаивал идею ликвидации британского парламента и установления в государстве диктатуры. Об этом много пишут в газетах. Сообщают, что этот союз быстро увеличивается и к лету 1934-го года в нем состоит 50 тысяч человек».

Зинаида в отчете привела много фамилий, цифр о количестве танков и самолетов в британской армии по данным прессы. Где эти подразделения базируются и тому подобные, важные, как она считала, сведения.

Начальник отделения старший лейтенант ГБ Софья Борисовна Иоффе внимательно изучила отчет и пригласила Зинаиду обсудить его. Обсуждение было долгим. Начальница переспрашивала, уточняла. Зинаида отвечала на вопросы. Объясняла, как находила первые источники, как потом на их основе искала дальше и разматывала

ниточку из запутанных клубков обрывочных сведений. Высказывала свое мнение по всем вопросам. Окончив разговор, Софья Борисовна сняла очки, закрыла отчет, спрятала его в свой сейф и, помолчав неторопливо, как обычно, спросила:

— Зиночка, а вы знаете Бертольда Якоба?

— Нет.

— Почитайте нашу главную газету «Правда» за 26 и за 30 марта этого года. Там написано про этого антифашиста. Пользуясь примерно таким же методом, какой интуитивно нашли вы, когда очень внимательно изучали газеты, этот человек написал книгу «Новая немецкая армия и ее лидеры», в которой подробно описал армию современной фашистской Германии, привёл места нахождения частей, фамилии командиров дивизий и полков, описал их деловые качества. Все это он насобиравал, как и вы, читая немецкие, в основном провинциальные газеты, обрабатывая и анализируя материал, — она улыбнулась. Зинаида слегка растерялась. Впервые начальница была радостной, воодушевленной и разговорчивой. Да ещё впервые назвала её «Зиночкой». — Очень рада, товарищ Зинаида, что мы не ошиблись в вас. Считаю, что незачем затягивать стажировку дольше. Буду ходатайствовать перед начальником отдела о зачислении вас в штат и присвоении звания старшего сержанта госбезопасности. Так держать!

— Спасибо, Софья Борисовна. Огромное спасибо! — растерянно улыбнулась Зина. — Я действительно старалась сделать задание как можно лучше и очень рада, что получилось.

— Теперь делай то же, но с французскими газетами. А с немецкими делать не надо. За нас сделал Бертольд Якоб. Его гестапо по приказу Адольфа Гитлера похитило совсем недавно, но под давлением западной прогрессивной общественности было вынуждено отпустить. Надеюсь, тебя британская секретная разведывательная служба не похитит.

Зина засмеялась:

— Меня нельзя похищать, у меня маленького сына не на кого будет оставить.

— Я, Зинаида, знаю. Он с кем днем сейчас?

— С мамой.

— Если будет необходимость, скажи. Поможем устроить в детский сад.

— Спасибо. Обязательно скажу.

Эти слова не были пустым обещанием. Действительно, когда через год Анисья Дмитриевна заболела, Володю устроили в детский сад недалеко от дома.

29.

Костя сделал предложение Зинаиде. Она согласилась. Но сказала, что распишутся, когда Володе исполнится четыре года. Тогда она без опасений, что он будет часто болеть, устроит его в детсад. А пока Анисья Дмитриевна сидит с внуком.

Время летело быстро. Зинаида получила звание, стала штатным сотрудником. Работа ей нравилась. Постоянно узнавала новое, сравнивала сведения, выстраивала цепочки из почти незаметных связей. Начальница хвалила, объявляла благодарности. Помогала. У неё сложились с Софьей Борисовной доверительные отношения. Иногда они уходили с работы вместе. Зинаида провожала её домой, по дороге обсуждали сложные вопросы. С Костей они стали подумывать о ребенке. Казалось, что жизнь встала на надежные рельсы и уверенно мчится, будто курьерский поезд, точно по расписанию. Но...

В конце сентября тридцать шестого года народным комиссаром внутренних дел по распоряжению Сталина был назначен Ежов Николай Иванович. Маленький, щупленький человечек с огромными полномочиями. Поначалу народ застыл в ожидании: что будет? Но после первого совещания с руководством комиссариата вопрос отпал.

Костя говорил с Зинаидой на эту тему, только когда они вдвоем гуляли в парке — опасался прослушки. Он рассказывал, что Ежов начал свое знакомство с руководителями отделов и служб с того, что вытянул вперед свои маленькие худющие ручонки и заорал:

— Вы не смотрите, что я ростом маленький! Руки у меня крепкие, и силы хватит, чтобы всех сидящих тут скрытых троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев передуть и уничтожить!

Он орал, размахивал руками, топал ногами, строил страшные рожи, грозил и пугал, пугал и грозил. Обошел всех начальников отделов, свирепо вглядывался в их лица, каждому чуть ли не ткнул кулаком в нос и обещал поставить к стенке. Кричал, что очистит органы от окопавшихся здесь врагов. Предупредил, что будет сажать и расстреливать, невзирая на чины и должности, всех, кто посмеет тормозить дело борьбы с врагами народа.

— А в вашем НТО что про это говорят? — спросил Костя.

— В нашем помалкивают. Рот боятся открыть. Я от тебя такое впервые слышу. Слуцкий какие-то таблетки от сердца стал пить. Остальные сидят тихонько. Только я на машинке стучу, когда отчеты печатаю.

— Ая, Зиночка, заметил такую особенность. Чем выше должность, чем больше тебе сегодня дают наград и званий, тем больше вероятность, что завтра объявят врагом народа и к стенке поставят. Видать, у этой плюгавой сволочи установка — вырезать старые кадры чекистов. Тех, кто работал с Дзержинским. Он на одном совещании сказал, что Дзержинский тоже был в оппозиции к Ленину и Сталину по вопросу Брестского мира. Я так понимаю, что за этой фразой следует, что врагами народа скоро станут все, кого принимал в ЧК Железный Феликс. Этот гад подводит политическую платформу, чтобы начать аресты старых кадров, которые создавали ЧК.

— Зачем ему это? Только от гражданской войны отошли. Заводы, фабрики страна строит. Люди жить спокойно начали. Да и у нас работа идет правильно. Никакими врагами и не пахнет. Нет их.

— Видишь, Зиночка, история-то, кажется, и в самом деле повторяется. Верно Дантон перед казнью говорил про французскую революцию, что она пожирает своих детей. Вот и у нас то же самое начинается. Борьба за власть.

— Ая, Костя, думаю, что наши руководители просто-напросто боятся, что у нас может произойти так же, как теперь в Испании. Что начнется новая гражданская война. Я изучаю французские и английские газеты. Там подробно пишут, как начался в Испании мятеж, как страна разделилась, как сначала коммунисты в союзе с анархистами побеждали, а потом мятежникам на помощь пришла фашистская Германия, и ситуация изменилась. Не дай бог у нас что-то подобное начнется, Германия или Польша начнут противникам Сталина помогать, и сразу подтянутся Франция с Великобританией. А потом и Турция. А на Дальнем Востоке Япония. И как справится страна со всем этим, непонятно. Потому Сталин и решил убрать всех, кто в принципе может примкнуть к мятежникам. А для этого надо потенциальных лидеров устранить. А это оставшиеся руководители из левых эсеров, дворян, те, кто служил под началом Троцкого. А под ним вся Красная армия была. Да вот только мятежников реальных я не вижу. Их нет. А Сталин, наверное, считает, что есть. Видит он, что в Испании сил у фашистов больше, и мы там можем проиграть. Считает, что, может быть, это из-за внутренних врагов.

— Может, и так. Ты, Зиночка всегда умела видеть глубже и дальше других. А я вот постоянно думаю, нам-то как быть? Как выжить в этом? Как не попасть в число врагов? Во многом ты права. Вот хитрый гусь Агабеков еще в тридцатом году понял, что к чему, и умотал во Францию. Мало того, что сбежал, так еще и выдал почти пятьсот наших секретных агентов. И пока этот уж точно вражина жив. Только недолго ему осталось. Скоро уберут. Чтобы другим неповадно было. И правильно сделают, — Константин почти на ухо Зинаиде прошептал: — Мне по секрету говорили, что Сталин приказал не приносить ему для ознакомления письма с просьбами об освобождении невиновных. Сказал, чтобы сами разбирались, кто виновен, кто нет. Но всех врагов, сказал, надо вырезать до седьмого колена. Так что уничтожать будут и жен, и детей выявленных Ежовым врагов народа. А уж тот постарается найти их побольше.

— Ты, Костя, про это ни с кем не говори. Даже с лучшими друзьями. С перепугу донесут и тебя арестуют. Потерпи, родной мой. Очень тебя прошу.

Подходил к концу тридцать седьмой. Вокруг творился ужас. В народе стали говорить про бывший страховой дом на Лубянке, где после революции разместился НКВД: «Был дом страха, а теперь стал дом ужаса». Как потом, много лет спустя Зинаида узнала, за время «ежовщины» было уничтожено более двух тысяч чекистов. Некоторые, чтобы избежать пыток, застрелились. Совсем немногие из ИНО отказались возвращаться и остались за границей. Большинство верили, что следствие разберется, и их восстановят на работе.

В «ежовые рукавицы» попадали и простые сотрудники, и высшие руководители. Из 37 комиссаров госбезопасности к 1941 году осталось в живых только двое. Не стало многих знакомых Зинаиде людей. Карим Хакимов, Красный паша, с которым Зиночку познакомил консул и резидент внешней разведки в Мешхеде Апресов, был расстрелян в январе 1938 года. А сам Апресов в ноябре 1936 года отозван из Китая, арестован и 11 сентября 1941 года расстрелян. Начальник ИНО, принявший её на работу, Абрам Слуцкий в феврале 1938 года скоропостижно умер. Возможно, был отравлен. Большинство резидентур за границей были фактически разгромлены. На место профессионалов приходили выдвиженцы Ежова. В научно-техническом отделе 16 января 1938 арестовали помощника Софьи Борисовны старшего лейтенанта госбезопасности Саула Саулова. После этого Иоффе, и до того часто болевшая, слегла.

Зинаида навещала свою начальницу. Однажды, это было летом тридцать восьмого, та ей сказала:

— Зиночка, меня скоро уволят в запас по болезни. Милая вы моя, пока я могу, ор-

ганизирую вам перевод куда-нибудь в Среднюю Азию. В Алма-Ату или Ташкент. У меня там остались связи. Да и места для вас знакомые. Бери сына и уезжай. Там, глядишь, и выживешь. И Косте своему скажи, может быть, и ему удастся перевестись туда или хоть куда, лишь бы подальше от центра. А здесь скоро будет совсем плохо. Сама видишь. Старые кадры вычищают. Не знаю я, чем эти люди могли провиниться перед советской властью. Нет у меня на них никакого компромата. И даже подозрений нет. Честные, преданные делу партии люди. Но попасть в лапы Ежова могут. Уж очень этому Ежову хочется выслужиться перед Иосифом Виссарионовичем. Вот и хватает всех, кто на глаза попадается. А Сталин ему доверяет. Убежден он, что классовая борьба теперь обостряется.

Зина сказала:

— Мама у меня болеет. Тяжело. Она сейчас в больнице. Пока не могу. Как выздоровеет, тогда.

Она поговорила о переезде с Константином. Костя печально поглядел на неё:

— Зиночка, ты же знаешь, у нас длинные руки. Дотянутся не только до Средней Азии, но и до Антарктиды. Не убежишь и не спрячешься, — потом добавил: — Я с теперешним начальством говорил, что заматался, что скоро сдохну, просил отправить куда-нибудь на периферию. Хотя бы на какое-то время. Отказали. Сказали, что здесь нужнее, — а Зине посоветовал не медить, пока есть возможность. — Видишь, как все оборачивается. Не судьба, значит, нам с тобой пока жить счастливо, народить детей, построить свой дом. Не дают. Настоящие, не выдуманные, враги народа. И не дадут.

Через месяц после этого разговора умерла Анисья Дмитриевна. Отца к себе забрала Любаша. Зинаиде стало невыносимо в комнате, где все напоминало о маме. И она с помощью Софьи Борисовны перевелась в Алма-Ату. Константину удалось взять отпуск поехать в Алма-Ату вместе с ней и помочь обустроиться. Он, видимо, чувствовал, что беда его не обойдет. Потому просил не писать и не звонить ему. Говорил, что переписка перлюстрируется, и любая фраза может быть истолкована так, как и не подозреваешь.

Потом его не стало... Как, при каких обстоятельствах Костя погиб, Зинаиде узнать не удалось. В некрологе было сказано, что погиб в стычке с белофиннами на границе, когда проводил инспекцию во время командировки. Подробностей никто не знал. Погибли все, с кем он был. Посмертно наградили орденом «Красной Звезды».

Еще до отъезда из Москвы Зине стало казаться, будто за ней следят. Подглядывают в коридорах на работе, по дороге домой, дома и когда они гуляли с Костей. Она не могла уснуть. Казалось, что если закроет глаза, то в дверь тут же постучат и её арестуют. Зина стала думать, что и мама не сама умерла, что это подстроили. Стала заговариваться. Видела один и тот же сон. Страшный. Под одеяло заползла огромная змея, обвивала вокруг шеи и начинала душить. Зина вскакивала с кровати, включала свет. Искала, куда эта змея спряталась, не находила, а выключить свет боялась, потому что змея выползет из своего укрытия и опять начнет душить.

Она стала подозревать, что сестра Любаша совсем не сестра. Что её подменили в Мешхеде, на базаре. Да так ловко, что никто из родных не догадался.

На работе она все время ждала подвоха. Каждый, кто с ней разговаривал, делал это только для того, чтобы выведать у неё государственную тайну, потом передать шпионам, а на Зинаиду донести и обвинить в разглашении. Потому все время молчала. Боялась, что отравят. Потому ела очень мало, понимала, что без неё сын Володенька не выживет. Стремительно худела.

Близкие замечали странности Зинаиды, но не придавали значения. Даже отец не понял, что случилось с дочкой. Во второй раз не понял. Единственный человек, который сообразил, была Софья Борисовна. Она отвела Зинаиду к психиатру. Тот долго разговаривал, задавал вопросы, внимательно слушал. Потом прописал таблетки. Сказал, что это пока не шизофрения, что можно вылечиться, и объяснил как. Зина почему-то поверила врачу. Поняла, что больна. Стала выполнять его предписания. Почти через год поймала себя на мысли, что прошло. Что спит хорошо, никто её не преследует, дурные мысли в голову не приходят. Сказала себе: «Слава Богу, кажется, обошлось». Но с тех пор никогда не забывала о том своем состоянии. Делала всё, чтобы не скатиться в эту непонятную и страшную бездну. Выполняла то, что советовал умный и опытный московский доктор.

30.

Народным комиссаром внутренних дел Казахстана был комиссар госбезопасности 1-го ранга Станислав Францевич Реденс, с которым Иоффе была знакома с середины тридцатых годов, когда тот был начальником управления НКВД по Московской области. Она дала Зине хорошую рекомендацию, рассказала о том, что причина перевода — болезнь, что санаторием в её случае не обойдешься, что такими кадрами ИНО НТО

разбрасываться не может, а потому надо помочь товарищу поправить здоровье в местном высокогорном климате.

Реденс оказался доброжелательным, симпатичным человеком. Несмотря на свой очень высокий чин, держался с ней просто и приветливо. Встретил Зинаиду хорошо. Предоставил маленькую квартиру. Володю устроил в круглосуточный детский сад. Зину работой не перегружал. Назначил работать в архив. Иногда её направляли из Алма-Аты в командировки в районные центры, чтобы проконтролировать, как там обстоят дела с хранением архивов. Эти поездки походили на короткие отпуска. Отвлекали от дурных мыслей. Так она понемногу знакомилась с казахской глубинкой. С работой справлялась.

У себя в архиве частенько слышала болтовню следователей. Они делились друг с другом методами раскручивания лжеврагов народа и лжешпионов на признательные показания. Например, уговаривали подписать признания потому, что арестованный этим может помочь партии. Да, говорил следователь, ты сам не виноват, но раз уж тут оказался, то в интересах партии и лично товарища Сталина должен подписать ложные показания, чтобы помочь стране избавиться от настоящих врагов народа, которые вредят стране, построению социализма. А главное, избавишь себя от пыток. Да и вообще, все уже давно решено. Остальные твои соучастники свои показания о том, что они враги, давно подписали. Один ты мучаешься, подвергаешься избиениям. Заканчивай. Подпиши, и твоим мукам придет конец. И многие, очень многие подписывали. Избивать их прекращали, но вскоре расстреливали или, в лучшем, а может, наоборот, в худшем случае, отправляли в лагерь на долгий срок. И никому из этих несчастных не удавалось оттуда вернуться.

Следователи хвастались друг перед другом своими успехами в таких подлых делах и, как видела Зинаида, даже гордились ими. Однажды она услышала разговор Реденса с другим большим начальником:

— А знаешь, почему я оказался в Казахстане? В Москве я активно боролся с врагами народа, разрабатывал планы их выявления и обезвреживания. Но стал замечать, что некоторые мои подчиненные вместо выявления настоящих врагов стали фальсифицировать дела. Это же проще. Бей, покуда не сознается, и всех-то делов. Потом к стенке, и, как говорится, концы в воду. Я потребовал прекратить это, а они доложили наверх, что я не даю им выявлять врагов народа, и меня немедленно перевели сюда. Естественно, с согласия моего шурина.

Позже, к своему огромному удивлению, Зина узнала, что Сталин и Реденс были женаты на сестрах. А еще узнала, что он долгое время был личным секретарем Дзержинского.

Однажды вечером, это было ранней осенью тридцать восьмого, Реденс, как обычно в последнее время слегка под хмельком, зашел в архив. Стал спрашивать о работе, о жизни, о сыне. Потом без перехода, как мысли вслух, задумчиво сказал:

— Жил бы Феликс Эдмундович, он всех нас перестрелял бы за наши дела. Ведь я обязан выполнять преступные приказы. Да, я запрещаю бить подсудимых, но это только слова. Мои подчиненные их бьют смертным боем, и те несчастные подписывают любые протоколы, лишь бы не били. Этот карлик Ёжик свои короткие ручонки тянет к любому, чтобы арестовать и поставить к стенке. Никто не может быть гарантирован от ареста, — вроде бы закончил он. Помолчал, потушил папиросу и после паузы продолжил: — Вот я нарком, член ревизионной комиссии ЦК партии, депутат Верховного совета СССР — не в состоянии противостоять этой грязи. Москва все время нажимает и нажимает, давит и давит. Я чувствую, что кончится тем, что меня самого скоро объявят врагом и расстреляют. Они давно собирают на меня материал.

Зинаида слушала его и не знала, что делать. Решила помалкивать. Вдруг кто подслушивает. Или сам провоцирует её. Стояла, держась за спинку стула, чтобы не упасть. Кружилась голова. Поймала себя на мысли, что вспоминает, как шептались, будто этот же Реденс лютовал, возглавляя ОГПУ по Московской области. Потом, должно быть, опомнился. Совесть проснулась, замучила.

Реденс незлобно ругнулся, махнул рукой, открыл дверь, чтобы выйти. В дверях остановился, обернулся и тихо сказал:

— Увольнитесь отсюда, Зиночка. Чем быстрее, тем лучше. Тем целее будете. Я подпишу ваше заявление хоть завтра. Напишите, что требуется постоянный уход за ребенком. Как уволитесь, идите в контору «Заготскот». Я шепну их начальнику, и вас возьмут. С голоду не умрете, а живой останетесь. А меня не поминайте плохим словом.

— Спасибо вам, Станислав Францевич, я все поняла. Спасибо!

На следующую день Зинаиду уволили. Еще через несколько дней она стала работником всесоюзной конторы «Заготскот».

А в ноябре по городу поползли слухи, что Реденс вызван в Москву и там арестован. Ей было мерзко слушать по радио и читать в газетах вранье о том, что он польский

шпион, заговорщик из тайной организации в системе НКВД. А вот то, что занимался уничтожением партийных советских руководителей, было правдой, вернее, полуправдой. Делал он это не как участник тайной законспирированной организации в НКВД, как писали, а по приказам действующих руководителей НКВД.

31.

Работа в областной конторе «Заготскот» поначалу показалась несложной. Зинаида работала в бухгалтерии, вела простенькую документацию. Заполняла специальные бланки центрального управления народно-хозяйственного учёта Госплана СССР, передавала их своим начальникам. Для этого звонила в районные отделения. Связь была плохой, часто обрывалась. Иногда приходилось выезжать в отдаленные степные районы.

После ухода из НКВД ей сразу стало легче. Будто сбросила тяжелый груз. Обнаружила, что прекратилась слезка. Спать стала спокойнее. По выходным гуляла с Володей по городу.

После Москвы Алма-Ата, бывший Верный, про который Зина знала со времен школы, показался, да и был, глубокой провинцией. От крепости — форпоста Российской империи в Семиречье, основанной в середине девятнадцатого века, — почти ничего не осталось. Два землетрясения разрушили городок. А мощный сель двадцать первого года довершил уничтожение старины. Осталось несколько красивых домов да Вознесенский Зенковский собор. Зинаида посчитала его каменным, но рассказали, что сделан он из тянь-шаньской ели. Деревя очень прочного, да вдобавок со временем не гниющего, а наоборот, становящегося прочнее, или, как тут говорили, каменеющего. Был собор снаружи оштукатурен и покрашен. Выдержал землетрясение и считался у старожилов местом святым. А Зенковским называют потому, что строил его архитектор Зенков.

В городе было немало деревьев, а в окрестностях в колхозах огромное число яблонь, росших тут с незапамятных времен. Когда, после подавления восстания против советской власти в двадцать первом году, город решили переименовать, вспомнили, что в давние времена девятого века здесь проходил Великий шелковый путь и было поселение с названием «Яблонево» — по-казахски «Алмату». 5 февраля 1921 года город Верный был переименован. Но не в Алмату, а непонятно почему в Алма-Ату. Это, как, улыбаясь, объяснили Зинаида старые казахи, бессмысленное сочетание казахских слов. В двадцать седьмом году столицу Казахстана из Кызыл-Орды перенесли в Алма-Ату, и город начал застраиваться. Появились дом правительства, главпочтамт и здание НКВД.

«Заготскот» был создан немногим больше двух лет назад. В тридцать шестом. Поначалу для того, чтобы в каждом районе страны закупать у колхозников и частных коров, овец, свиней, прочую живность, в том числе гусей, уток, кур. Чуть позже стали закупать яйца, да и все съестное, что было у крестьян. Главной задачей было создание в районах баз, на которых закупленный у населения или пригнанный из хозяйств по государственным поставкам скот собирался, выпасался, доращивался до определённого веса, а потом отправлялся на мясокомбинаты на убой и полную переработку. Чтобы на этих базах было чем кормить скотину, им выделялась земля для выращивания кормового зерна и картофеля. Но это на бумаге было понятно и просто. А на деле... Животные в этих приемных пунктах не только не набирали вес, а наоборот, тощали, а то и дохли из-за нехватки кормов, плохого ухода и многих других причин.

Областные управления «Заготскота» должны были контролировать, как районные обустривают прием и содержание скотины, а еще в большей степени были должны прикладывать все усилия, чтобы количество сданного скота увеличивалось и увеличивалось. В тридцать девятом стали строить капитальные кошары для скота и для овец, а также птичьи дворы для кур и гусей, амбары для хранения зерна и многое другое, что помогло бы делу. Для заготовки сена в районах создавали бригады, в отделения из колхозов передавали лошадей, конные косилки и грабли. В помощь конторам привлекали по разнарядкам колхозников и горожан из разных учреждений, которые строили скотные дворы, загоны и даже дома для рабочих «Заготскота». Но зарплаты были маленькими, и люди работали через пень-колоду.

До поздней осени во многих районах построить то, что планировалось, не успели. Сторожить скот по ночам под проливным дождем стало невозможным. Работникам не хватало обуви. Большинство ходило в рваных сапогах или ботинках. Люди за ночь обмороживались. Перегонять скотину на мясокомбинаты стало почти нерешаемой проблемой. Начался падеж скота. Потому гнали на мясокомбинаты уже все, что могло двигаться. Скот повсеместно пригоняли истощенным, а сторожа и пастухи добирались полумертвыми, больными и голодными.

Зинаиде было жалко смотреть на этих людей. Жалко видеть и своих нынешних руководителей, которые смертельно боялись, что их назначат врагами народа за саботаж и срыв поставок. Она вела статистику закупок, видела, что районные заготовители пытаются обмануть, делают приписки. Ловила их на этом, объясняла, что когда обнаружится, то их, в лучшем случае, посадят, а могут и расстрелять. Но пока обходилось. Энкавэдэшники, контролировавшие работу контор, зло шутили над заготовителями: «Если ты не поставишь мясо, то мы тебя поставим к стенке». Но смешно, кроме них, никому не было.

Зинаида удивлялась, насколько все было бюрократично. Сколько ненужных контролеров крутилось и бездельничало возле любой работы. Она помнила, как просто заготавливал шерсть и хлопок для Морозовых её отец. Решал все вопросы быстро, ни с кем не советовался, не писал Морозову письма с вопросами и не ждал от него ответа. Её же нынешние руководители боялись принять любое решение. Постоянно звонили и телеграфировали в центр вышестоящему начальству, чтобы оно принимало решение. Редкий руководитель был самостоятельным и компетентным. Но все-таки, несмотря на неповоротливость созданной в стране управленческой системы, постепенно количество скота в колхозах и у колхозников увеличивалось. Росла и сдача его в «Заготскот», а оттуда на мясокомбинаты. При некоторых мясокомбинатах начали создавать цехи по переработке шкур и кожи. В начале тридцать девятого года появилось главное управление заготовок скота — «Главзаготскотцентр».

Московские руководители видели низкую эффективность этих контор, и весной сорокового года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли постановление, в котором изменялся порядок заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. Зависимость поставок мяса от количества общественного скота отменили. Перешли на зависимость поставок от количества гектаров земли в хозяйствах. Видимо, посчитали, что это двинет вперед развитие животноводства. Количество заготовок, естественно, под это увеличили. А в виде главного стимула повышения сдачи мяса добавили пункт: невыполнение плана по сдаче мяса, кожи и вообще всего, что предписано заготавливать, будет расцениваться как подрыв интересов государства с соответствующими выводами, под которыми, все знали, что имеется в виду — арест, посадка в лагерь или постановка к стенке.

В этой конторе Зина, пожалуй, впервые оказалась не рядом, не около людей, а среди них. Среди тружеников, на плечах которых была заготовка и переработка сельхозпродукции. Работа тяжелая, неизмеримо тяжелая. Производство повсеместно было плохо отлаженным, приводившим к огромным потерям из-за нестыковки почти всех этапов, некомпетентности руководителей, невозможности выполнения планов по причине нереальности этих самых планов.

Чем больше Зинаида погружалась в реальную жизнь, вникала в проблемы людей, их беды, тем больше вопросов у неё возникало о том, правильно ли устроена система управления этим производством. Понимать-то она это понимала, а вот изменить, улучшить ничего не могла. Оттого начинала нервничать, переживать. Приходилось принимать большие дозы таблеток. Применять все способы, которым научил врач.

32.

22 июня 1941 года Зина с Володей ходили по магазинам, чтобы подготовить его к школе. Купить одежду, обувь, тетрадки, ручки и все остальное для первого класса. Часов в одиннадцать они закончили покупки и вернулись домой. Было жарко. Устали, потому легли отдохнуть. А в полдень по улице к площади побежали люди. Кричали, громко что-то обсуждали, потом голоса смолкли, наступила тишина, и заговорил репродуктор. Молотов начал читать: «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление...» Зинаиде стало сразу понятно — война!

Через несколько часов в магазинах исчезли все товары. Народ смел с прилавков все. На следующий день Зинаида увидела в продуктовом магазине на полках только брикеты прессованного зеленого чая. «Как хорошо, что я купила все для школы Володи», — подумала тогда она.

В призывных пунктах выстроились длинные очереди. Молодые и чуть ли не старики записывались добровольцами в армию. Девушки поступали на курсы медсестер и радистов. Через несколько дней молодежь вдруг исчезла с улиц. Оказалось, что студентов и старшеклассников направили на работы в ближайшие колхозы и совхозы. Заготавливать сено, убирать картофель, морковь, лук. Заготавливать корма для скотины. За работу можно было унести домой немного картошки, других овощей.

Когда были введены карточки для распределения продуктов, Зинаида Филипповна не помнила. Потом ей казалось, что почти с самого начала войны. Но кто-то говорил,

что не сразу, а через несколько месяцев. И вводили эти карточки на разные продукты в разное время. Она помнила, что карточки были разными. Были для работающих и были для иждивенцев — детей и стариков. Иждивенцам полагалось очень мало.

В городе и окрестностях было много садов. Летом и осенью дети и взрослые наедались яблок, груш, слив, чтобы забить животы какой-то едой.

Основной заботой Зинаиды было накормить сына.

Появились магазины «торгсин»: торговля с иностранцами. В них можно было за золото и драгоценности получить еду. Чтобы не умереть с голоду, люди относили в эти «торгсины» обручальные кольца, золотые крестики и цепочки, царские золотые монеты.

Возникло вдруг и сразу множество толкучек — базаров, на которых можно было поменять на еду любые вещи. От новеньких платьев, костюмов, постельного белья и фарфоровых сервизов до старых стоптанных башмаков. Люди голодали и меняли на еду все, что имели. У кого водились деньги, могли купить еду, но цены на неё были не просто высокими, цены были фантастически высокими. А бабы торговли, когда им протягивали рубли, кривились и сквозь зубы цедили:

— Теперь не то что эта бумага, теперь и золото не в цене. Золота теперь, как грязи. Теперь хлебушек в цене и вообще любая еда.

К осени в городе появилось огромное количество эвакуированных. Зинаиде казалось, что людей в городе удвоилось, а то и утроилось.

В начале сентября пришло письмо от отца. Шло письмо долго, больше двух месяцев. Он писал, что вместе с Любой и двумя её детьми выехали к Зине в Алма-Ату. Просил не сдавать никому квартиру. Зина и не собиралась сдавать свою маленькую квартиру. К ней пока никого и не подсаляли. А когда пришли из отдела по распределению жилплощади, она объяснила, что со дня на день ждет эвакуированную из Москвы семью офицера Красной армии из четырех человек. Усталый старик, занимавшийся этими делами, спорить с ней не стал, что-то записал в своей большой амбарной книге и предупредил, что если через неделю никто не приедет, то подселит кого-нибудь. Люба с отцом успели. Их стало шестеро в маленькой квартирке.

Люба на мужа получала большой паек, но с Зинаидой и Володей ничем не делились. Еду и пайки от них прятали. Отец все это видел, смотрел сквозь слезы на Зину и Володю, но сделать ничего не мог. Он со своими карточками иждивенца полностью от Любы зависел. Зинаиде было противно видеть такое от младшей сестры, и она при первой возможности переселилась к старушке уборщице из её конторы «Заготскот» в маленькую комнатенку на другой улице. А эту свою оставила отцу и сестре.

Отец изредка навещал её. Приносил Володе маленькие подарочки, какую-нибудь еду, которую удавалось припрятать от Любы из того, что передавал и пересылал ей с помощью Алексея Иванович. Тот служил в Генеральном штабе, недавно стал полковником, на фронт выезжал редко, и, как рассказывал отец, все у них было более чем в порядке. Отец совсем сдал. Стал старичком. Ходил с трудом, опирался на палочку. Было ему ужасно стыдно за Любу. За то, что она стала такой. И его, старика, попрекала каждым куском, и дети растут такими же, как она. Зазнайками и эгоистами. Говорил он это, вытирая глаза платком. Объяснял, что болят глаза.

— Папочка, — говорила Зина, — переселяйся ко мне, как-нибудь проживем. Не помрем с голоду.

— Что ты, доченька, вы и так еле-еле концы с концами сводите, а тут ещё я. Буду там, с ними.

Однажды по секрету шепотом рассказал, что Любка завела кур. Держит их в клетках. Кормит зерном, которое ей как жене большого офицера выдают. Каждый день яйца едят. И как-то пришел к ним Володя. Увидел этих кур, зерно в кормушках и горстку взял себе в карман. А старшая дочка заметила, побежала, наябедничала:

— Вовка у наших курочек зерно украл!

Люба вышла и давай Володю стыдить. Тот выбросил это зерно из кармана, заплакал и убежал. Зина обняла отца. Не сдержалась, заплакала. Заплакал и старик. Потом вытер слезы, прошептал дочке:

— Зря мы, Зинушка, вернулись. Жили бы и жили там. Был бы дом Морозовых нашим. Работал бы я на англичан или еще на кого. И всё бы у нас было. Неправильно поступил. Анисья Дмитриевна отговаривала меня. Говорила, что Машенька, если захочет, сможет в Мешхед переехать. Да я не послушался. Права она была. Царствие ей небесное. Может быть, и она бы там жива была. Да чего теперь говорить.

В Казахстан с началом войны стало поступать огромное количество скота. Больше одного миллиона коров успели переместить из западных районов до того, как их за-

хватили фашисты. Всю эту армаду животных надо было накормить, напоить, обустроить. Мясоперерабатывающие заводы работали на полную мощность.

Зинаиде Филипповне приходилось постоянно ездить в командировки по приемным пунктам, чтобы помогать налаживать работу, проверять, контролировать реальное состояние дел, в том числе и обустройство эвакуированных. А тех в большом количестве направляли в колхозы и совхозы. Задумано-то было все правильно. Алма-Ата был переполнен эвакуированными людьми. Жилья не хватало. Квартиры — битком. В деревнях же можно было расселить многих и обеспечить работой. Но люди, измученные переездом в товарных теплушках, добравшись до конечного места, часто оказывались в безвыходном положении. Их отказывались размещать, не принимали на работу, больных не пускали в больницы. Потом заселяли их в сараи и амбары, не приспособленные для проживания. Ставили на работу самую тяжелую и низкооплачиваемую.

А были и совершенно другие ситуации. Однажды Зинаида приехала в Акмолинскую область, и ей после того, как все командировочные дела за неделю были сделаны, начальник местного «Заготскота» предложил съездить на денек в Боровое, где на выпасе было стадо коров. Это Боровое оказалось курортным местом. Секретным постановлением на этом курорте разместили несколько эвакуированных их Москвы сотен академиков, больших начальников из Академии наук и членов их семей. Комиссариат торговли Казахстана был обязан обеспечивать постоянное снабжение их продовольствием и промышленными товарами по самому высокому уровню. Так эти великие ученые, их дети, жены и чиновники от науки и жили здесь всю войну, попивая сливки, молочко. Закусывая колбаской и парным мяском. Ни в чем не зная нужды. Как сыр в масле катались. Очень это мерзко было Зинаиде видеть.

Однажды она увидела кучу говяжьих голов возле цеха на одном из мясокомбинатов, приписанных к районному отделению «Заготскота». Спросила, куда они предназначены и почему валяются. Оказалось, что все, что с них можно было срезать, срезали, а остальное будет выброшено. Мясокомбинат был недалеко от Алма-Аты, Зинаида попросила голову и привезла домой. Дома почти сутки в огромной кастрюле варила. Получился вполне съедобный холодец, в котором было даже немного мяса и жира. Утром, когда холодец застыл, она принесла тарелку своему начальнику. Рассказала, показала, дала попробовать. Начальник, толковый, доброжелательный пожилой мужчина, покивал головой, сказал, что съедобно, и спросил:

— Ну, и чего ты, Зинаида Филипповна, предлагаешь?

— Предлагаю получить разрешение от нашего московского руководства на то, чтобы безвозмездно передавать сотрудникам эти головы и другие не подлежащие переработке части туш. А то народ с голоду пухнет.

Начальник подумал, подготовил письмо, обосновал, растолковал в нем подробно, что ущерб для заготовок от этого нет и не будет. Подписал сам, подписали это письмо и председатели профсоюза и парткома. Через три недели пришло разрешение.

Зину обнимали незнакомые люди с работы. Те, кто на неё ворчал, стали признаваться в любви и дружбе. Вскоре договорились и эти головы стали рубить на части, чтобы удобнее было транспортировать и варить. Сотрудники и их дети стали хоть немного отъедаться. Некоторые начали продавать холодец на толкучках или менять на хлеб, другую еду. Проблема голода несколько отступила.

Другая беда в эвакуации — воровство. С осени 41-го года Алма-Ату наводнили уголовники из западных районов РСФСР, Украины, Молдавии, Белоруссии, Москвы. Как шакалы за добычей, они появились здесь вслед за богатыми эвакуированными. А таких было немало. По городу шлялись молодые здоровые парни со справками, в которых было написано, что эти крепыши неизлечимо больны. Они или покупали эти справки у врачей, или подделывали. Алма-Ата кишела бандитами, налетчиками, карманниками, домушниками, гопниками, каталами, медвежатниками, шниферами. Изводили людей квартирные воры и рыночные карманники. Зинину квартиру обворовывали столько раз, что она перестала её запирасть.

Главным воровским местом в городе был Никольский рынок. Там было чем поживиться. Рай для спекулянтов. На этом рынке за золотые царские монеты и украшения купить можно было любую еду и любые вещи. Зина с Володей порой ходили сюда просто посмотреть на вкусности и понюхать их запах. Володя иногда продавал здесь холодец или менял его на хлеб.

Жить было голодно, зато Зина с сыном стали завсегдаятами в эвакуированных театрах. В театре оперы и балета, где выступала Галина Уланова, они пересмотрели все балеты и оперы. Володя частенько снимался и в массовках кино. В Алма-Ату эвакуировали «Мосфильм» и «Ленфильм». Здешняя маленькая киностудия стала Центральной объединенной киностудией художественных фильмов, где снимали фильмы известные московские режиссеры. Знаменитые артисты жили скромно. Володя видел их на улицах. Когда с ними здоровались, они улыбались и отвечали.

Первые два года войны были самые тяжелые, самые голодные. Зинаида постоянно сдавала кровь, чтобы купить еду для сына. Один раз, когда Володя заболел и врач сказал, что надо бы его подкормить куриным бульоном и курицей, сдала пол-литра крови. На следующий день упросила врачей снова взять у неё кровь. Сдала ещё пятьсот граммов и потеряла сознание. Попала в больницу, но, когда очнулась, ушла. Купила на рынке курицу. Сварила. Несколько дней кормила Володю. Когда пошел на поправку, сама попала в больницу. У неё выпали волосы, долго болела, но не умерла. Отец приходил провеживать. Даже Люба приносила еду. А Володя, пока болела, жил у них.

34.

Ночью Зинаида Филипповна долго не могла уснуть. Ворочалась, считала. Прогоняла мысли, но уснуть не получалось. Должно быть, не давало уснуть то, что вспомнила, и начала писать про военные годы. «Хватит крутиться и ворочаться!» — сказала себе. Прошлепала босиком к тумбочке, на которой стоял телевизор, взяла пульт, включила. Начала переключать каналы. Всюду показывали дребедень. На одном остановилась. «Тегеран 43». Попала на самое начало. Когда-то давно она уже видела этот фильм. Само собой, ей он не понравился, но теперь решила поглядеть заново. Начались погони, прочая чепуха. Она под разговоры с экрана вспоминала настоящий Тегеран. Настоящую историю. Не такую эффектную, как в кино...

Летом 1943 года Зинаиду срочно вызвали в НКВД. Утром, когда сотрудники их «Заготскота» только начали работу, к зданию подъехала черная легковая машина. Офицер с недавно введенными погонами капитана вошел в отдел кадров. Через минуту оттуда выскочил начальник, вбежал в кабинет, в котором сидела Зинаида, прошептал, что её срочно требуют пройти к нему. Кабинет был на первом этаже, и все в окно видели машину и офицера ГБ. У сотрудников затряслись руки, забегали глаза. Зинаида же отнеслась к происходящему спокойно. Она давно знала, как и когда арестовывают. Этот случай не подходил под такую схему. Потому улыбнулась и прошла в отдел кадров.

— Здравия желаю, — прибывший офицер отдал честь и спросил: — Зинаида Филипповна Тимофеева?

— Так точно.

— Мне приказано срочно сопроводить вас к народному комиссару.

Зина проследовала за офицером. Через несколько минут они вошли в строгое здание, в котором не так давно работала, и прошли, минуя дежурных, в приемную. В кабинете офицер доложил, что положено. Генерал оторвался от чтения документов, взглянул на него воспаленными, должно быть, от постоянного недосыпания глазами, кивнул, сказал:

— Свободен. Будь в приемной, — поднялся из-за стола и направился к Зинаиде.

— Здравия желаю, товарищ старший лейтенант государственной безопасности, — он протянул ей руку для рукопожатия.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — неуверенно ответила она, — только у меня звание сержант.

— С сегодняшнего дня вы отозваны, — он на секунду замялся, подбирая слова, — скажем так, из резерва. Вам присвоено звание старший лейтенант госбезопасности. Вот документы, — генерал протянул ей удостоверение. — Завтра улетае спецрейсом в Москву в распоряжение пятого отдела первого управления, — он помолчал, думая, договаривать или нет. — В распоряжение полковника Отрощенко Андрея Макаровича. Ему от меня передавайте привет. В приемной скажете капитану, он сопроводит вас, куда положено. Получите новую форму, денежное довольствие и все прочее, — Зина было раскрыла рот, но генерал опередил: — О сыне не беспокойтесь. Вас домой отвезет капитан, который доставил ко мне. Сына заберет. Он будет направлен в специальный интернат с улучшенными условиями содержания и обучением. Там живут и учатся дети сотрудников ИНО, которые в командировках. Живут так, как здесь и не снилось. На полном обеспечении. Усиленное питание. Лучшие преподаватели и воспитатели. Ваше знание фарси, других языков и знание жизни в Иране срочно потребовалось родине. Я сегодня узнал, как вам не просто жилось в последнее время. Если бы знал, обязательно помогли бы. Но чего теперь об этом. Желаю удачи.

Он проводил ее в приемную. Сказал капитану, ожидавшему там, чтобы сопроводил Зинаиду Филипповну и помог во всем, сегодня же отправил сына с сопровождением в Боровое, а завтра её в Москву. Зинаида, когда услышала про Боровое, вспомнила тот рай, который видела в командировке, и успокоилась. За такие условия, как там, да Володя, она готова была выполнять любые задания.

С Володей Зина рассталась спокойно. Сын понял, что в интернате, куда его отвезут, будет сытно и хорошо. Понял, что его мама человек важный, раз за ним приехал капитан на автомобиле. Володя начал собирать учебники. Капитан сказал, что не надо,

что там выдадут все новенькое. И учебники, и тетради, и обмундирование. Володе очень понравилось военное слово «обмундирование» и что ему его выдадут. Глаза у него загорелись, он с восхищением воскликнул:

— Ух, ты! Вот это да!

Капитан засмеялся. Посоветовал не забыть мамину фотокарточку.

Уже возле машины Володя бросился к Зине, обнял её. Много раз поцеловал. Прощептал на ушко, что любит больше всех на свете. Обнялись и долго не отпускали друг друга. Капитан сказал:

— Пора.

Володя залез в авто, смотрел через заднее стекло, махал рукой.

Зина собрала все, что было из вещей, вечером отнесла отцу. Рассказывать, что произошло, не позволяла подписка о секретности. Но по тому, что она была в форме с погонами старшего лейтенанта и что Володя отправлен в специнтернат, и так было все понятно. Отец перекрестил дочку.

В Москве на аэродроме встретил автомобиль и доставил в Фуркасовский переулок. Пропуск был готов. Зина с сопровождающим пошла по длинным, хорошо знакомым коридорам в кабинет к начальнику 5-го отдела 1-го управления НКГБ СССР. В кабинете возле окна спиной к двери стоял полковник. Повернулся. На мундире сверкнули ордена «Красного Знамени» и «Красной Звезды». Зина узнала и от удивления воскликнула:

— Андрей! — но тут же взяла себя в руки и доложила: — Товарищ полковник, старший лейтенант Тимофеева для прохождения службы прибыла.

— Да, Зиночка, Андрей. Узнала! А я-то думал, что не узнаешь. Потому что сильно постарел. А ты как была глазастой красавицей, так и осталась. Все видишь, все понимаешь. Рад тебя видеть. Про тебя мне все доложили, так что расспрашивать не буду. Ни к чему это. Перейду сразу к делу. К заданию. Когда мне его поручили, сразу про тебя вспомнил. А когда выяснилось, что ты служила в нашей системе, в НТО ИНО, стало еще проще. Отыскали тебя быстро, мгновенно восстановили на службе и доставили сюда. Задание проходит под грифом СС. Потому всё, о чем говорим, никому, ну и так далее. Сама понимаешь. Как говорят, длинный язык может повредить шее.

Полковнику Отрощенко Андрею Макаровичу, начальнику 5-го отдела 1-го управления НКГБ СССР с 14 мая 1943, а до того больше года начальнику того же отдела НКВД, а до того многолетнему резиденту ОГПУ-НКВД в Мешхеде и резиденту НКВД в Тегеране, было приказано обеспечить безопасность конференции между СССР, США и Англией, которая, возможно, если Сталину удастся убедить союзников по антигитлеровской коалиции, состоится в Тегеране. Этим он и начал заниматься со всей своей энергией, знаниями и опытом. Привлек лучших из тех, кого знал и кому доверял. Среди этих людей оказалась и Зинаида, отлично знавшая фарси, выросшая в Персии и зарекомендовавшая себя как отличный сотрудник в уже далекие тридцатые годы.

Эта страна для конференции была для СССР самой удобной.

В начале 1921 года, когда семья Зинаиды еще была в Персии, Реза-хан Пехлеви сверг Ахмед-шаха, в 1925 году был объявлен новым шахом и стал называть себя «шахиншах» (царь царей). РСФСР подписала с ним договор, признав независимость Персии. 22 марта 1935 года Реза-хан Пехлеви изменил название страны. Она стала называться Иран.

В 1941 году Иран попал под влияние фашистской Германии. Совместно с британцами Советский Союз провел военную операцию под названием «Согласие», и Иран был оккупирован. Англичане вынудили отречься от престола прогерманского шаха Резу Пехлеви. На престол был посажен его сын. Основанием для вторжения советских войск стал пункт 6 договора с РСФСР от 1921 года, согласно которому советское правительство имело право ввести войска в Персию, если со стороны третьих стран будут предприняты попытки превратить ее территорию в базу для военных действий против России и её союзников. Наши войска оккупировали всю северную часть Ирана, включая столицу — Тегеран. Англичане сделали то же самое с южной частью. Было много плюсов для встречи лидеров именно в Тегеране.

Фашистская разведка о переговорах узнала за несколько месяцев до их начала от своего агента албанца Элиаса Базна, работавшего камердинером британского посла в Турции. По личному указанию Гитлера началась подготовка к ликвидации или захвату в плен Рузвельта, Черчилля и Сталина. Проведение операции под названием «Длинный прыжок» Гитлер поручил Отто Скоцени. Тот начал готовить своих головорезов в районе Винницы, и кто-то из них, проигравшись в карты, проболтался нашему разведчику Николаю Кузнецову, действовавшему под именем Пауля Зиберта, гауптмана (капитана) Вермахта, что вскоре сможет привезти из Персии дорожные ковры. Николай Иванович сообщил об этом в центр, где уже была собрана информация из других

источников об активизации немецкой разведки в Иране.

Отрощенко собрал группу оперативников, включил в неё Зинаиду, и они отрабатывали приемы выявления немецких шпионов и способы их задержания. Задача Зинаиды состояла в том, чтобы под видом неприметной персиянки ходить по людным местам и выявлять подозрительных типов. Оперативники в персидских одеждах прогуливались по городу в нескольких метрах за Зиной. Реальную работу они начали в Мешхеде, который Зинаида знала отлично. За несколько дней она выявила троих подозрительных. На допросах те признались, что были завербованы немецкой разведкой и действовали по указке немецкого резидента. Рассказали, кто он и где его найти. Все схваченные согласились работать на нас. Методы и приемы работы группы руководство признало успешными, и их направили в столицу Ирана.

В Тегеране выявили и нейтрализовали несколько сотен немецких агентов. Многих удалось перевербовать. Некоторым удалось скрыться. Среди них наиболее опасен был сорокалетний штурмбаннфюрер СС Франц Майер. Высокий, круглолицый, голубоглазый, прилично говоривший на фарси и отлично гримировавшийся, этот агент был способен перевоплотиться в перса, раствориться в толпе и исчезнуть. Так он и скрылся во время захвата основной группы диверсантов с рацией.

Зинаида с оперативниками прочесывали город, но обнаружить человека с приметами Майера не удавалось. От одного из перевербованных агентов удалось узнать, что тот разработал план, который не понравился Скорцени. По этому плану, как был уверен Майер, 30 ноября, в день рождения Черчиля, Рузвельта, Сталина и именинник соберутся в английском посольстве. Туда и следует проникнуть и захватить лидеров. Проникновение Майер планировал по водоводу, идущему от родника. Скорцени же предлагал подкоп, который диверсанты и начали делать из заброшенного склепа.

Зинаида, получив эти сведения, пришла на место действия. И родник, и место подкопа, и водовод располагались за забором старого армянского кладбища. Людей на кладбище почти не было. В тени стены английского посольства дремал единственный могильщик, ожидая работы. Зинаида прошла возле старика, нечаянно споткнулась, заметила, что тот напрягся. Обратила внимание, что рыжая борода, выкрашенная хной, выглядит чуть ярче, чем обычно у таких стариков. Насторожило и то, что глаза у могильщика были голубыми, а руки совсем не старыми, и мозолей от копки могил не было. Зина спросила, может ли он выкопать могилу её деду, но не здесь, а подальше, возле других родственников. Тот кивнул, сказал, сколько это будет стоить. По манере говорить ей стало ясно, что это не могильщик и не перс. Зина сказала, что ее братья сейчас расплатятся и подала знак своим. Майер все понял, выхватил длинный стилет, спрятанный в палке, но убить Зинаиду не успел. Оперативники мгновенно скрутили его, оторвали ворот рубахи, куда немецкие шпионы обычно зашивали яд, и доставили на конспиративную квартиру. Майер стал сотрудничать. Сообщил, где скрываются последние диверсанты из их группы. Потом, разоткровенничавшись, поведал, что до войны был в СССР, много чего узнал об оборонном потенциале страны и, когда вернулся в Берлин, написал подробный отчет, в котором предостерегал руководство от нападения на Советский Союз. По его словам, за это его и упекли в эту дыру, в Иран.

Конференция прошла успешно. Руководители отбыли. Вслед за ними разъехались и разведчики. Последними покидали Иран оперативники полковника Отрощенко. Вечером перед отъездом Андрей Макарович зашел в комнату Зинаиды.

— Зиночка, благодарность вам от командования и от меня лично. Вы хоть и начинали эту командировку в Мешхеде, но, как мне докладывали, в своем родном доме не были. Хотите посетить?

Зина удивленно посмотрела на него:

— Конечно! — потом задумалась, погрустнела. — Хотя не знаю. Может быть, только расстроюсь.

— Ничего не расстроишься. Спрячь пессимизм подальше. Я завтра на один день уезжаю в Мешхед на машине. Место для тебя будет. Поедешь? — Зина кивнула. Андрей подмигнул Зине: — Ты большой молодец. Такого матерого эсэсовского майора вычислила. Он уже много чего интересного нам напел. За захват штурмбаннфюрера СС Франца Майера я тебя представил к ордену «Красной Звезды». В представлении написал: за образцовое выполнение специального задания командования и за доблесть, проявленную в обстоятельствах, сопряженных с риском для жизни.

35.

Болезнь Зинаиды давно прошла. Будто огромная черная птица закрыла от неё небо, превратила все краски в темный безысходный мрак, наступила на душу и чуть не сгубила. Но Господь увидел, прогнал эту злоеющую тварь. Солнце снова осветило мир. Небо стало голубым, деревья и трава зелеными, цветы заулыбались разноцветьем.

Зина вспоминала причину своих страхов. Размышляла. И многое теперь представ-

лялось ей по-другому. Совсем по-другому. Она вспоминала тех, кто попал под каток ежовщины, и с удивлением ловила себя на мысли, что многие из них того и стоили. А «злобного карлика», как его называл Костя, она и сама пристрелила бы. Да и многих-многих других не пожалела бы. Того же вечно пьяного Раденса, который тьму ни в чем не повинных людей к стенке поставил, а потом, когда почуял, что и сам туда встанет, начал раскаиваться. Следователей, хваставшихся, как ловко они подводят под расстрел невиновных. Избивают их до невменяемости, когда те готовы подписать что угодно, лишь бы не мучали. А сколько если не вредителей, то просто некомпетентных начальничков, пьяниц, дураков, лентяев, воров прошло за эти годы перед её глазами. На каждом шагу встречались чинуши, возомнившие себя царьками, от которых было больше вреда, чем пользы. «Ну, не можешь руководить, не хватает умения и знаний, честно скажи, что не можешь, и уйди. Уступи место тем, кто сможет. Просто скажи — не могу», — рассуждала Зина. Но что-то не могла припомнить ни одного такого случая.

Дорога в Мешхед была долгой, и Зинаида, посомневавшись, отважилась спросить об этом Андрея Макаровича. Андрей удивленно посмотрел на неё. Потом провел рукой по голове, сказал:

— Зиночка, мне ещё сорока не было, когда половина из шевелюры стала седой. Из-за нескольких сволочей. Это теперь их называют «лютыми врагами народа», а тогда они были чуть ли не карающим мечом революции. Эти мерзавцы разгромили весь ИНО. Почти уничтожили то, что создавали годами с огромными усилиями многие и многие преданные делу революции люди.

— Маленький карлик Ежов?

— Именно он. Со своей бандой. Как он быстренько её сколотил и начал орудовать, выбивая лучших! Мне повезло. Я ему «приглянулся» на излете его деятельности, — Андрей закурил. — В самом начале тридцать девятого года я был отозван из Тегерана, где руководил резидентурой, и арестован. Оказалось, что я английский шпион. И быть бы мне сперва покалеченным во время допросов, а потом расстрелянным, да в это время Ежова сменил Берия. Берия человек строгий, но толковый. Издевательства и выбивание показаний следователям запретил. Разобрался в том, что творил карлик. Вернул меня работать в ИНО. Для Лаврентия Павловича, — разговорился Андрей, — главное — дело. Ненавидит некомпетентных. Докладываешь ему, он на тебя вроде бы и не смотрит, и не слушает, рисует что-то в своем блокноте, потом поднимет голову, блеснет стеклами очков, посмотрит в глаза и негромко, не как Ежов, безо всякого ора, безо всякой истерики, спросит самое главное, самую суть. Ответишь четко и коротко — кивнет. Спрашивает не просто так. Не для того, чтобы тебя запутать или сбить с толку, а потому, что этот вопрос нужен для решения дела. Если тянешь работу, если знаешь — у него быстро продвинешься. Если пустьшка — уберет, чтобы не мешался под ногами. Ежова он ненавидел. Думаю, за то, что тот развалил разведку. А еще, Зиночка, у него феноменальная память.

Андрей Макарович докурив папиросу, выбросил окурочек в окно и замолчал. Зина видела, что этот разговор растревожил Андрею душу. Пробудил тяжелые воспоминания. Наступила тишина. Андрей уверенно вел автомобиль. Теплый ветер обдувал лица. Пустынная дорога успокаивала, усыпляла. Они мчались на бешеной скорости. Зина сообразила, что так можно задремать, слететь с дороги и разбиться, потому снова начала говорить. Андрей понял это.

— Ты, Зиночка, большая умница. Не даешь мне заснуть. Хорошо. Времени у нас полно, и я тебе могу кое-что рассказать из того, что тебя тревожит. Представь, что тебе на стол каждый день кладут документы с информацией, что десятки, а то и сотни руководителей убеждают, что вокруг предатели, саботажники и вредители. Приводят факты. Ты изучаешь эти материалы, вначале не веришь, требуешь перепроверить. Перепроверяют. Убеждают. А за тобой стоит страна. Твоя задача — из отсталой, аграрной, безграмотной страны в кратчайшие сроки построить промышленную державу. Промедлишь, упустишь время — и уничтожат. Ты видишь, что весь мир капитала перевооружается. Появились новые скоростные самолеты, танки, другое мощное оружие. А тут изо всех сил страна напрягается, а какая-то сволочь норовит палки в колеса вставить. Страна собирает деньги, чтобы закупить станки, построить заводы. Станки приходят — и их ломают! Где по незнанию, где по неумению, а где по вредительству. А как узнать? И, собственно, какая разница, по каким причинам. И что делать? По головке гладить? Говорит, что вы, ребята, в следующий раз будьте внимательнее? Мы снова продадим зерно, которое и самим необходимо, чтобы с голоду не умереть, закупим новые станки, вместо тех, что вы поломали. Или поставит к стенке — и другие в сто раз станут лучше думать, как настроить эти станки и не сломать. Да много еще поводов есть для того, чтобы действовать жестоко, но с пользой для дела. Или такой случай. Геворк Арутюнов работал у нас в Персии, ты его должна немного знать как Агабекова. То ли влюбился в англичанку, то ли подловила она его, но бежал. Мало того,

что бежал, так сдал сотни наших агентов. Погубил. Большинство из тех, кого сдал, расстреляли. Многие в тюрьмах сидят. Редкая сволочь. И таких не так уж и мало. И что с ними делать? Прощать? Вот то-то и оно. А ты все это видишь, знаешь, получаешь документы. Убедительные свидетельства в виновности. А тот, кто эти документы готовит, становится тем значимей, тем больше изобличит врагов. Выявит вредителей. А если их нет, этих самых врагов? Тогда, чтобы получать ордена, звания, должности, их надо сделать. Вот у проходимцев вроде Ежова и появляется желание сфабриковать документы, подобрать факты. Ты сама знаешь, как можно подобрать факты. А факты надо подтвердить. Как? Да просто — выбить показания. И будет тебе и орден, и повышение в должности, и много еще чего. Вот и вся недолга, милая Зиначка. Так эта тварь и его подручные действовали, — Андрей махнул рукой, тяжело вздохнул, задумался, потом взглянул на Зинаиду, подмигнул: — Будем надеяться, что это всё позади. А тебе, на всякий пожарный случай, мой совет. Знаешь какой?

— Знаю. Больше слушать и слышать, анализировать, что слышишь, видишь, не слышишь и не видишь, и не болтать.

— Очередной раз убеждаюсь, что ты умница!

36.

В Мешхедском консульстве ворота открыли мгновенно. После первого гудка автомобиля. Машина заехала. Ворота закрылись, и Зинаида будто оказалась в родном доме. Все ей здесь было знакомо. Почти ничего не изменилось. Даже школа, в которой училась. В окошко увидела детишек за партами. Учительницу, что-то объясняющую им. Захотелось поскорее пойти к своему дому. Посмотреть, как там сейчас. Но из главного здания выскочил человек, представился по-военному. Полковник пожал ему руку, представил Зинаиду, и они вошли. Атташе по сельскому хозяйству, а это был он, предложил Андрею Макаровичу и Зинаиде отдохнуть с дороги, а затем пообедать. Пришлось Зинаиде пройти в отведенную комнату, принять душ, переодеться, полежать на удобной кровати и даже вздремнуть. Часа через два начался обед. Атташе докладывал Отрощенко о своей работе. О том, как сопровождают грузы, приходящие по ленд-лизу в иранские порты на Каспии. Про то, что число задержанных немецких шпионов в последнее время вдруг уменьшилось. Много, о чем еще рассказывал этот человек с дипломатическим прикрытием, а Зинаида думала, понимает ли он хоть что-то в сельском хозяйстве. Наконец обед и разговоры закончились, и Андрей Макарович попросил выделить двух оперативников для проверки конспиративной квартиры.

Так Зина узнала, что теперь находится в их доме. Через полчаса они были уже там. Тот же выбеленный известкой глинобитный забор. Те же, только состарившиеся ворота и калитка. Двор, когда-то чистенький, зарос бурьяном, высохшим за осень и начало зимы. В доме грязь и запустение. Столы, стулья, шкафы, кровати те же, да совсем не те же. Все стало чужим, казенным. Зина не захотела находиться в этом чужом доме, вышла, прошлась по двору. Заглянула в птичник, от которого остались изгаженные кормушки, поилки да редкие перья, не унесенные порывами ветра. Скулила на последней петле провисшая дверь. Такими же запущенными были огород и сад.

«Господи, что же с нашим домом стало, — думала Зина, смотря на обветшалое от времени и неухоженности бывшее домашнее гнездо, — жили бы здесь родители, и все было бы чистенько, аккуратно. Нет хозяина, и все разваливается. А если бы остались, глядишь, и мама не умерла бы. Да и отец делал бы знакомую любимую работу, возился в саду, не голодал бы. Не стоял с карточками в очередях за куском черного хлеба. Не ютился бы в жалкой комнатенке. А может быть, и наоборот, давно умер бы в одиночестве, после смерти мамы. И никакой сад и птичник не помогли бы. Никому неизвестно. Что же ты, судьба, еще сделаешь со всеми нами? Куда еще повернешь нашу жизнь?»

— Зинаида! — окликнул Андрей, — Нам ещё необходимо осмотреть пути отхода сотрудников в экстремальных ситуациях.

Они прошли по тем же кривым улочкам до базара. Ничего тут не изменилось. Так же, как было в детстве, да и, наверное, и пятьдесят, а то и сто лет назад. Даже цены на сушеные фрукты и прочее, что продавали здесь всегда, остались такими, как и были. Раньше её такое постоянство отталкивало. Хотелось изменить, расшевелить. Теперь же, наоборот, казалось счастьем, что хоть что-то в этом мире неизменно, постоянно. И дай Бог, думала Зина, чтобы не менялось, оставалось таким всегда.

Утром они покинули Мешхед, а через несколько дней были в Москве.

37. НИНОЧКА

«Еще совсем недавно нас оставалось двое. Я и Ниночка. А теперь осталась одна. Почему она, а не я. Я же намного старше её. Да и случалось со мной всяких бед, пожалуй, побольше, — Зинаида Филипповна пожимала плечами и повторяла одно и то же:

— Почему она ушла раньше?»

Ниночка, дочь старшей сестры Шуры, была намного младше. Потому Зинушка сначала играла с ней, как с живой куколкой. Ниночка была красивой девочкой. Она всегда была красивой. И одевали её, как куколку. В платьица с кружевами, рюшечками, бантиками. Когда подросла, стала потихоньку подкрашивать губки, реснички, подводить глаза. К пятнадцати она превратилась из куколки в юную красавицу. Её в доме стали называть принцессой. А Зинаиде было не до игрушек. Она становилась разведчицей. Мата Хари, Маргарета Гертруда Зеле, была её кумиром. Борьба за освобождение угнетённых народов — призванием. Зинаида перестала замечать подростковую племянницу. А та, кое-что соображая, слушая обрывки разговоров, составляла свое представление о молоденькой тете Зине. Хотя никогда её так не называла. Всегда Зина или Зинушка.

Когда Зина согласилась выйти замуж, Ниночка была единственной, кто прокрался ночью в её комнату, залез к тихо плачущей Зинушке под одеяло, обнял, поцеловал и прошептал на ухо: «Зиночка, как я тебя понимаю. Брось ты его. Не выходи за этого идиота». Зина тогда проговорила с Ниночкой почти до утра.

Долго, очень долго потом они не виделись. И только в 43-м году, когда Зинаида вернулась в Москву из Тегерана, встретились у Маши. Зина в новенькой форме, с погонами старшего лейтенанта, орденом «Красной Звезды» вечером после вручения ордена, после того как слегка отметили это событие, увильнула с вечеринки и приехала к Маше. Вошла в комнату. На кровати, свернувшись калачиком, в синеньком платьице с белыми горошинами, спала девушка, подложив по-детски ладошки под щечку. Во сне она улыбалась. Зине стала тепло на душе, счастливо, и она тоже стала улыбаться. Присела на краешек кровати. Кровать скрипнула. Девушка проснулась, увидела Зину, вскочила, стала обнимать, целовать.

— Зиночка, я знала, что тебя встречу, знала! Я так хотела тебя встретить! И получилось! Ты здесь!

— Ниночка! Миленькая! Рассказывай, как ты? Я же ничего про вас не знаю. Как Шура? Я только три дня, как прилетела в Москву. Как я счастлива, что встретила тебя!

Зина знала, что Нина хорошо говорит по-персидски и перешла на фарси. Они зашебетали без умолка. Говорили долго, переговорили обо всем. Почти обо всем. Зине казалось, что чего-то Ниночка недоговаривает.

Замуж Нина вышла еще в Персии, когда исполнилось шестнадцать лет. Почти сразу после дня рождения. В консульстве она познакомилась с торговым представителем, который занимался закупкой кожи, меха и продажей чего-то персам. Ему понравилась веселая, молоденькая красавица, вдобавок прекрасно говорившая на персидском языке. Он влюбился, сделал предложение, и она не раздумывая вышла замуж. Вскоре мужа перевели на работу в Монголию. Все у них было хорошо. Родилась дочка. Светочка. Но пришла беда. Через полтора года Светочка заболела, врачей хороших не было, лечили, как могли, тамошние лекари, но Светочки не стало. Нина от горя чуть не сошла с ума. Муж тоже переживал. Они переехали в Москву. Его назначили директором какого-то большого треста. Секретарша мужа была не промах, сумела с ним переспать и сообщила Нине. Та не простила мужу измену, и они разошлись. Муж просил простить его, но она была непреклонной. Потом Ниночка много-много раз об этом жалела. Но тогда простить не смогла.

Красивая, молодая, она пользовалась успехом у мужчин и вскоре вышла замуж во второй раз. Молодеком второй муж был хорошим, но через год он сказал, что надо срочно разводиться. Ниночка возмутилась. Он печально посмотрел на неё:

— Милая моя Ниночка, если ты думаешь, что у меня кто-то есть, кроме тебя, то ошибаешься. Просто я хочу спасти тебя. Меня скоро арестуют и, скорее всего, расстреляют. Чтобы ты не попала в лагеря, я и хочу с тобой развестись.

— Почему? Ты же ничего плохого не делаешь.

— Я дальний родственник Троцкого. Всех, кто хоть как-то с ним связан, вырезают. Дойдет очередь и до меня. Увы, милая, мне не увернуться. А ты спасайся. При разводе возвращай фамилию бывшего мужа. И никому не говори, что была замужем за мной. Глядишь, и уцелеешь.

Развелись. На прощанье долго обнимались, она плакала, проклинала судьбу. Уехала на съёмную квартиру в другой конец города. Действительно, вскоре его забрали. Она не успела даже перевезти все свои вещи. Так Нина снова осталась одна.

Началась война. С немцами. Дружили, дружили, и вдруг — война. В начале войны, осенью, когда немцы подходили к Москве, Нину с другими молодыми женщинами из строительного треста, в котором она работала чертежницей, мобилизовали копать противотанковые рвы. Под Можайск. Какой-то военный показал им, десятку девушек, где копать. Выдали лопаты, назначили старшей здоровенную тетку, оставили ей пшеницу и хлеба на всех на неделю и уехали. Место оказалось недалеко от реки, рядом с лесом. Зачем там делать эти рвы, было непонятно, но приказали, значит, надо. Жилья

рядом никакого. Сделали шалаш. Стали копать. Девчушки в первые же часы набили мозоли. Копали медленно. Тетка сперва возмущалась, орала. Потом остыла, успокоилась, надоумила прикладывать на ночь к содранной коже подорожник, завязать чистыми тряпками. К концу недели траншея уже была довольно глубокой. Но полили дожди. Неумело сделанные шалашы стали протекать. В траншею заливалась вода. Еда закончилась. Тетка начальница ушла искать командование. В конце дня вернулась. Сказала: «Девчушки, никого я не нашла. Там, где был штаб, теперь никого. В окрестных селах только старики да старухи остались. Видать, бросили нас. Сами отступили, а про нас забыли».

От холода и дождей, рассказывала Нина, все простудились. Заболели. У многих поднялась температура. Не то что работать, встать с трудом могли. Тетка эта смотрела, смотрела на девчонок да и сказала: «Шли бы вы отсюда, а не то придёт немчура — всех перебьют, а толку от вас все равно никакого и нету, и не будет». Переночевали. Наутро взяли лопаты и побрели в Москву. По дороге встретили несколько военных. Те сказали, чтобы поскорее убирались. Фашисты прорвали какую-то линию обороны, никакие рвы теперь не нужны.

Почти сто километров до Москвы брела как во сне. Поднялась температура. С трудом добралась. Отлежалась. Пошла на работу. Организация эвакуировалась. Нине выделили место в вагоне, и она уехала в Казань. Пережила голодную зиму. Случайно встретили Германа, того на фронт не взяли из-за плохого зрения. Он, хотя сам еле сводил концы с концами, стал помогать племяннице. Так и пережила эвакуацию.

— Герман — горный инженер, большой специалист по строительству шахт, — рассказывала Нина, сбиваясь и торопясь. — Его направили на восстановление шахт после фашистской оккупации. Он предлагал поехать с ним и его женой Полиной в Тульскую область, но я поехала в Москву. А где твой Володя? — сменила вдруг тему Ниночка. — Должно, совсем взрослый, женихом стал.

— Взрослый. Сейчас в специальном интернате. Там ему хорошо.

Нина вдруг засмеялась:

— Помнишь, как ты учила Германа драться с мальчишками зимой, когда те его побили? Заставила надеть ватник с длинными рукавами. Опустить рукава в бочку с водой, потом выгащить, подождать, пока замерзнут и превратятся в лед. А после, когда те полезут, по морде их этими рукавами надавать! Он так и сделал. Отхлестал пацанов, а те в рёв и побежали родителям жаловаться.

Зина тоже засмеялась.

— А ты откуда про это знаешь, тебя же там не было?

— А я в окошко смотрела и видела!

Они снова засмеялись и обнялись. А потом, ни с того ни с сего, заплакали. Обе. Одновременно. Когда наплакались, Ниночка вытерла слезы и сказала:

— Мне Полина письмо прислала. Нет больше нашего Германа. В шахте завалило. Все, кто там был, погибли. И наш Герман. Казалось, самое тяжелое позади. Голод, эвакуацию пережил. Даже туберкулез. Врачи отказались лечить. Перевели на инвалидность. Отправили из больницы домой умирать. А Полина нашла старенькую знахарку, раздобыла барсучий и еще какой-то жир, делала ему втирания, готовила снадобья из трав, еще чего-то и за полгода вылечила. Вот такой она молодец! Наш Герман снова начал работать. Стал главным инженером «Шахтстроя». Восстанавливал разрушенные фашистами шахты. Главным проверять, и завалило. И больше его нет. Если бы не он, я в этой Казани с голода умерла бы, — Нина посмотрела на Зинаиду и на ушко прошептала, должно быть, самое больное, тайное и сокровенное: — Зинушка, а у меня детей не может быть. Никогда. Очень знающий врач сказал. Я у него лечилась. Но толку никакого. Сказал, что, должно быть, в сорок первом, когда эти рвы копали, застудилась. А может, и раньше, в Монголии, когда Светочка маленькой была.

Зина не знала, что сказать, и тоже прошептала:

— Хочешь, милая, я с начальством поговорю, к нам устроишься. Ты же фарси отлично знаешь. Там таких мало.

Ниночка отпрянула от Зинаиды:

— Ни в коем случае! Даже не думай! Я тебе по секрету скажу, а если бы не спросила сейчас, не сказала бы. Мамочка моя в лагере. Если узнают, то и мне туда будет дорога.

— Шура в лагере?

Нина кивнула головой.

— Я ей посылки отправляю. Не знаю, доходят ли.

— За что?

— В Персии она познакомилась с персидским офицером. Тот оказался родственником Реза Пехлеви, сын которого теперь шахиншах Ирана. Этот офицер, кажется, если на наши звания переводить, полковник, сделал ей предложение. Мама согласилась. А офицер этот отвечал за охрану на границе с СССР. Он предложил маме вме-

сте с ним поехать туда. Он будет проверять своих пограничников и границу, а она его сопровождать. А потом он с докладом поедет к шаху. Там они объявят о свадьбе, получат разрешение шаха, отпразднуют, и сам шахиншах должен быть на свадьбе. На границе они попали в пыльную бурю, заблудились, случайно перешли границу. Наши пограничники их нашли. Арестовали. Когда разобрались, кто есть кто, полковника отпустили, а маму как шпионку арестовали. И никто, включая шаха, не смог её вытащить. Обвинили в шпионаже и дали десять лет. А я думаю, что не отпустили потому, что на маме было много драгоценностей, — шептала Ниночка. — На ней были сережки с огромными изумрудами, перстень с бриллиантом, колье и браслет в виде переплетенных двух змей. У одной глаза из изумрудов, а у другой из рубинов. Это он маме подарил. А пограничники у мамы все отняли и, чтобы не отдавать, а это бешеные деньги стоит, посадили.

— Господи, — прошептала Зина, — какие мерзавцы.

Ниночка кивнула. И они замолчали. Тишина угнетала, и Зина спросила:

— А чем же ты занимаешься?

— Я? — Ниночка засмеялась. — А я скоро снова замуж выйду! Мне предложение сделали. Я подумаю еще денек и соглашусь!

— Ну, ты, Нинуська, даешь! — искренне восхитилась Зина племянницей. — И кто же этот счастливец?

— Счастливец скоро будет доктором наук. Очень умный человек. А ты знаешь, ученых не сажают. А если и сажают, то в шарашки, чтобы там изобретали то, что прикажут, и этим искупали вину перед родиной. Они нужны стране. Без них никак не обойтись.

— А в чем их вина?

Ниночка рассмеялась, но смех был невеселый, нервный:

— Вина? — Ниночка пожала плечами. — Главная вина, что тут родились или, как моя мамочка, что тут оказалась.

Зинаида печально ухмыльнулась. Она давно поняла это.

Каждый раз, когда получала паёк, Зина отдавала часть Ниночке. Та добавляла, что могла, от себя и пересылала в лагерь матери. Когда умер Сталин, Шуру реабилитировали. Из красавицы она превратилась в усталую, измученную старушку и прожила после лагеря недолго.

Когда Ниночка умерла, Зинаида Филипповна стала часто вспоминать эту встречу. Нина была последней из их семьи, кто жил в Персии, с кем она дружила, кого любила. Маленькая Ниночка так и осталась для неё маленькой. Даже в девяностых, до которых дожила. Дожила, пережив на семь лет своего третьего мужа, Константина Дмитриевича. Профессора, доктора наук, лауреата Сталинской премии, который, казалось, все знал в этой жизни. Прекрасно владел немецким. Имел много учеников из всех республик огромного Советского Союза, ставших кандидатами наук. Всегда поступал правильно. Говорил, что положено. Был осторожным и аккуратным. Но когда садился за руль авто, превращался в отчаянного лихого парня. Его было не узнать. Должно быть, так сбрасывал накопившиеся стрессы.

38. МАРИЯ ФИЛИППОВНА И ИРИНА МИХАЙЛОВНА

С Машей Зина переписывалась всегда. Всю жизнь. Она знала, что профессор, Машина любовь, умер. Что Машенька вернулась в свою комнату, но обычно жила не там, а у Ирочки, муж которой пропал без вести на фронте. Знала, что Ирочка почти всю войну была в геологических экспедициях. Работала в них химиком-аналитиком. Экспедиции эти нашли очень и очень много полезного и ценного. И титан, и какие-то редкоземельные минералы, и что-то еще такое, о чем говорить было не положено, но за что Ирине и другим геологам дали ордена «Трудового Красного Знамени». А это значит, что Ирочка делала очень большое и важное дело. Из экспедиций возвращалась домой, в старый купеческий дом, огромные комнаты которого были перегорожены на маленькие клетушки. В одной из таких клетушек и жила Ирина Михайловна. Со временем к ней перебралась Машенька. Вдвоем было веселее жить, а во время войны и теплее.

Однажды, когда Зинаида пришла к ним в гости и речь зашла об этом старинном доме, Ирочка с грустью сказала:

— Когда-то давным-давно, до революции, весь этот дом принадлежал моим отцу и маме. Я, маленькая девочка, бегала по огромным комнатам, не поделенным на эти убогие клетушки. А там, за окном, — она показала на кирпичный полуразвалившийся забор и такое же здание за ним, — была фабрика моих родителей. Никому ничего плохого они не делали. Рабочим построили больницу, в которой лечили бесплатно. Детям

рабочих построили школу. Фабрика была красивая, будто пряничный домик. Чистая, аккуратная. А потом все отняли. Родители умерли в гражданскую войну от голода и постоянного страха, что арестуют и расстреляют. А теперь фабрика, я на ней была, стала грязной и неухоженной, — она помолчала и добавила: — Как и вся страна.

Зинаиде нечего было ей возразить, и, чтобы прервать молчание, она предложила:

— Давайте попьем чаю.

— Давайте, — кивнула Ирочка. — Кстати, раньше на фабрике расфасовывали настоящий китайский чай. А теперь и не поймешь, чай это или опилки от чайных кустов. Да и упаковки родители делали красивую. Баночки были, будто китайские шкатулки. Глаз не оторвать! Ну, собственно, какой чай, такая и упаковка.

— Очень хорошо, — чтобы успокоить подругу, сказала Машенька, — давайте пить чай. У нас в школе лимоны созрели. Два. Один мы с пятиклассниками в биологическом кружке разрезали на дольки и посмотрели под микроскопом, из чего они состоят. А потом положили в чашки и выпили чай. А второй лимон они мне почти насильно в сумку запынули. Сказали, чтобы дома всех угостила. А я чуть не забыла.

Она достала из сумки красивый желтый лимон. В комнатке пахло настоящим лимоном. Ирочка всплеснула руками:

— Ох, какая прелесть! Машенька, как же это вам удалось!

— Это такие у нас в школе кружковцы хорошие. Очень хорошие дети.

Зина всегда любила Машеньку и всегда ей немножко завидовала. По-доброму. Завидовала рассудительности, неторопливости. Да и профессии завидовала. Даже нет, это была не зависть. Это была уважительная любовь. Все в Машеньке было от профессии. Любой взрыв эмоций она спокойно выслушивала. Потом говорила: «Очень хорошо», — и начинала высказывать своё мнение, свой взгляд на проблему. И всегда получалось у неё не обидно, по-доброму. Машеньку за её работу наградили орденом. Было у неё и несколько медалей. А еще за несколько лет до пенсии она стала Заслуженной учительницей. Ученики её любили, не забывали и после окончания школы, когда учились в институтах, и позже, когда работали. Приходили в гости, а когда подрастали их дети, приводили к ней учиться.

В редкой школе была такая оранжерея, как у Маши. Маленькая, но ухоженная, с цветами, кустарниками, маленькими деревцами. Маша возилась в ней после уроков. Школьники помогали. Всем было интересно и радостно заниматься в её биологическом кружке. Ни один хулиган за всю историю этого кружка не разбил в ней ни единого стеклышка. Не поломал ни одного кустика. Даже в войну в оранжерее высаживали картофельные глазки, из них вырастали клубни картошки. Их все вместе выкапывали, пекли в костре, ели эту самую вкусную в мире картошку и мечтали, как после победы станут выращивать ананасы и клубнику. Машенька о школе и своих учениках всегда говорила с восхищением и любовью. У неё не было бездарных или плохих детей. Все были талантливыми и способными. На маленьком столике возле Машенькиной кровати в деревянной рамке стоял портрет мужа, профессора, с которым, увы, ей так мало удалось пожить.

39.

Вспоминала Зинаида Филипповна и Любу. Машенька писала, что месяца через два после окончания войны она с отцом и детьми вернулась из Алма-Аты. Перевез их её муж Алексей Иванович. Люба хвасталась, что хотя он ещё полковник, но должность генеральская. Маша изредка бывала у них в квартире и описывала Зинаиде их жизнь. Зинаида в ответах удивлялась, как это некоторым удается на фронте почти не бывать, а орденов и званий получать побольше тех, кто на передовой был всю войну. Машенька писала, что всякое бывает. Что, наверное, очень значимые решения принимает. Зинаида снова удивлялась, какие такие значимые решения могут принимать в управлении тыла, что его начальникам дают боевые ордена. Маша писала, что дети Любины подросли, дочка симпатичная, похожа на маму, учится на пятерки. Сын — мальчишка и есть мальчишка. Особенно если избалован. Все крепкие, здоровенькие. А вот отец сдал. Совсем седой. Голову бреет. Сам. Стал суетливым, Любе помогает по хозяйству, старается быть нужным. Квартира большая. Но поселили их не как Люба ожидала, в большой изолированной квартире в центре, а в хотя и трехкомнатной, но коммунальной. Была третья комната заперта. Алексей Иванович сказал, что со временем и её передадут им.

Все складывалось хорошо. А потом в конце июля Любиного мужа срочно направили в действующую армию. Но почему-то — Любе было непонятно, почему — на Дальний Восток. 9 августа и она, и остальные поняли. А потом случилась беда. В сентябре Люба получила похоронку на мужа, уже после того, как японская кампания окончилась. Что-то взорвалось, а он был неподалеку, и осколком убило. Одного его. Осталь-

ных не задело.

Машенька писала, что пришел отец. Старенький, наголо выбритый, обнял, рассказал, что не стало Алексея Ивановича, и пригласил на поминки. Люба была близка к помешательству. Мария за неё переживала. Она стала постоянно курить, глаза ввалились, лицо почернело. Все время бормотала одно и то же: «Что с нами теперь будет? Что с нами будет?»

Им назначили пенсию. Не очень большую. Сказали, что если поступит на работу, то пенсию платить станут только детям. Ни о какой изолированной квартире теперь и речи не было. Да и в третью комнату вскоре кого-то вселили. Жизнь Любиного семейства резко изменилась. Но она сумела собраться. Стала подрабатывать шитьем. Видать, это у неё от мамы. Анисья Дмитриевна с детства обучилась шить. Сама делала выкройки, шила и себе, и детям. Любаше нравилось смотреть, как мама из тканей делает платья, кофты. Когда подросла, стала помогать, а потом и сама шить. Вот и пригодилось.

Люба стала писать Зине. Рассказывала о своем бытии. О детях. Об отце. Иногда Филипп Мефодьевич диктовал, а Люба записывала. Это были немудреные, но добрые весточки от отца. Зинаида их хранила, иногда перечитывала. Отец никогда не жаловался, не плакался. Говорил, что все у него хорошо. Хвалил Любу.

Однажды, Зинаида с Лёней уже были в Заполярье, ей приснился сон. Будто отец подошел к кровати, долго смотрел на Зину, потом поцеловал в лоб, отошел, улыбнулся, помахал рукой и исчез. Зинаида проснулась. Все поняла. Заплакала. Проснулся Лёня, спросил: «Что случилось?» Зина ответила: «Умер папа». А утром пришла телеграмма что его не стало.

Это был последний привет Зинушке от Николая Николаевича.

40. МАРИЯ ФОМИНИЧНА

С Марией Фоминичной Зинаида Филипповна познакомилась случайно. В бане. Это было в середине шестидесятых. В начале шестидесятых она с Лёней и сыном переехали из Заполярья в большой город на Волге. Вложили все, что удалось накопить, влезли в долги и купили дом. С садом. Большой, ужасно запущенный, заросший бурьяном, с обветшалым забором, скрипевшими и готовыми рухнуть от сильного порыва ветра воротами, ржавой крышей.

Все минусы этой покупки увидели те, кто смотрел со стороны, а Леонид с Зинаидой видели красивый большой дом, цветущий весной сад, деревья с ветками, гнущимися под тяжестью яблок, груш, слив, персиков каждой осенью. За год Лёня заменил забор. Поставил новые ворота. Покрасил крышу, окна, двери. В дальнем углу сада построил курятник. Зина выскоблила и вычистила дом. Создала в нем уют и порядок. Посадили молоденькие яблоньки, груши, вишни, абрикосы, малину. Саженцы раздобыли специальных новых, только выведенных сортов. На селекционной станции обещали высокие урожаи и вкусные крупные плоды. Так через несколько лет и случилось. По утрам петух пел песни, кудахтали куры. Мечты о спокойной размеренной жизни их трудами постепенно превращались в реальность.

Большая двухэтажная баня стояла метрах в ста от дома, а потому купаться и париться ходили в неё. Муж с сыном — с утра в выходной день, пока было мало народа. Зина — в будни, когда почти никого не было. Народ в СССР трудился. Не работали только пенсионеры, дети и студенты. После переезда в южный город стажа и возраста у Зинаиды было достаточно, и она оформила пенсию. Но дело было не в возрасте и стаже. Здоровье стало пошаливать. Сердце. Потому Леонид и настоял, чтобы не работала. Однако «не работала» — это было не про Зину. Сад, огород, куры, занимали весь день. Она вспоминала детство, родительский дом в Персии и наслаждалась работой в своем доме, своем саду. Любила поговорить с каждой курицей, каждым деревцем, кустиком. Попросить, чтобы не болели, хорошо росли, давали плоды. Пропалывала огород и приговаривала: «Не отнимайте, сорняки, у добрых растений воду и пищу. А вы, огурцы, помидоры, баклажаны и перцы, растите, дарите нам свои плоды. А я вас подкормлю. Водичкой напою. Семена ваши соберу, сохраню, а на следующий год посажу, и вы снова вырастаете». Лёня сначала посмеивался, а потом и сам стал с деревьями разговаривать. Срывал яблоко, кивал головой, улыбался и говорил: «Спасибо!»

Требовали ухода и куры. Курятник чистили сын и муж. Обычно раз в неделю. По выходным перед баней. Кормила кур Зина. А кроме нескончаемой работы в огороде и в саду, готовила еду для семьи. В доме наводила порядок. Делала заготовки на зиму. Любая работа была для неё в радость. Сын учился. Из школы возвращался домой, видел, сколько успевают делать мама, и помогал. То же делал и муж. Для всех и дом, и сад стали родными. Зина говорила Леониду, что только теперь поняла, к чему лежит её душа и какое дело она любит. Говорила, что начни жизнь сначала — стала бы только

агрономом и никем больше. Муж обычно обнимал её и шепотом отвечал:

— Значит, не напрасно мы жили с тобой в Заполярье. Сама знаешь, непросто было, но сумели. Скопили и купили этот дом с садом. Вот и занимайся им на радость и себе, и нам. А мы с сыном будем помогать.

Здоровье постепенно восстановилось. В бане ненадолго стала заходить в парную, куда прежде врачи строжайше запрещали. Там и встретила Марию Фоминичну. Худенькую маленькую старушку, которая в раскаленной парной нещадно хлестала себя веником. Потом выходила, обливалась ледяной водой, снова заскакивала в парную и повторяла так несколько раз. Закончив, оборачивалась в простыню, доставала термос, наливала в маленькую чашечку чая и неторопливо отхлебывала. Бывала старушка в бане по четвергам. Зина заметила её, заинтересовалась этой непохожей на других посетительниц женщиной, стала приходить в то же время и, когда они примелькались друг другу, выбрала случай и познакомилась. Разговорились. Понравились друг другу. Зинаида пригласила старушку домой отдохнуть после бани, попить чайку, настоянно-го на листьях смородины, мяты и мелисы. Мария Фоминична оказалась вдовой известного профессора медика, дальнего родственника Льва Толстого, волею случая попавшая в этот город. Им было о чем рассказать друг другу, постепенно подружились.

Старушка рассказала, что у неё в этом городе сын. Во время войны был ранен в солнечное сплетение. Чудом выжил. Выходила медсестра. Пожалела после операции беспомощного красивого лейтенанта. Убедила врачей не отправлять в глубокий тыл. Это убило бы парня. Не выжил бы в дороге. Дневала и ночевала около него. Случай был уникальным, и раненым заинтересовались медицинские светила. Постепенно поправился. Стал ходить. Из-за ранения появилась аритмия сердца, много других осложнений. Потребовалась новая операция. Выдержал и её, но после многочисленных медицинских обследований получил инвалидность. А медсестра каждую свободную минуту старалась быть рядом. Полюбился ей этот парень. Женились. Расписали их в госпитале. После войны в этом полуразрушенном войной городе и остались. Инженер-конструкторов в стране было мало, а сын был хорошим. Должно быть, очень хорошим. Потому, когда начали восстанавливать огромный завод, пригласили его в конструкторское бюро. Разрешили работать дома. Выделили молодой семье маленькую квартиру. Привезли с завода большой уцелевший во время войны кульман на чугунном основании. Начальник конструкторского бюро приезжал к нему. Обсуждали проекты. Принимали решения. А потом сын выполнял эти проекты. Судя по всему, получалось высококлассно. Жена продолжала работать медсестрой в больнице. Так и жили. Родили двух детей. К ним поближе и решила перебраться Мария Фоминична после смерти мужа из большого подмосковного города. Квартира у неё была хорошая, большая. Профессорская. Дала объявление в газету об обмене, и вскоре откликнулись. Пришло письмо, что есть желающая обменять свою такую же большую квартиру в городе, где жил сын. Сын, увы, поехать посмотреть квартиру женщины не мог, он из дома-то выходил с трудом. Поехала жена. Той показалось все нормальным. Квартира оказалась действительно трехкомнатной, большой, чистой. Такой же, как у Марии Фоминичны. Все документы по обмену любезно взялась оформить эта женщина. И оформила. Пожилая профессорская вдова переехала, как и мечтала, в южный город поближе к сыну. Да вот только когда переехала, оказалось, что жильё, в которое переехала, было действительно в трехкомнатной квартире, но только одной комнаткой, остальные две занимали другие семьи. Обманула старенькую женщину, да и жену её сына, эта хитрая негодяйка. Мария Фоминична заплакала да и осталась в этой комнате. Сил судиться и восстанавливать справедливость у неё не было.

Зинаида Филипповна была возмущена этой историей. Решила помочь. Попросила показать документы, выяснила паспортные данные негодяйки и написала большое письмо в отделение милиции в подмосковный город. Приложила заявление от Марии Фоминичны о мошенничестве при обмене квартиры. Через месяц пришел ответ. Оказалось, что эта хитрюга недолго прожила в квартире. Быстренько поменяла её на квартиру в Москве. Ту на квартиру в Прибалтике. А далее её следы потерялись. Потому что квартиру в Риге она тоже обменяла. Мария Фоминична, прочитав ответ, посмеялась, махнула рукой и сказала:

— Не расстраивайтесь, Зинаида Филипповна, не стоит она того. Не пойдут ей на пользу махинации. А в этой квартире соседи хорошие, добрые. Я с ними лажу. Днем обычно у сына с внуками, в комнату только ночевать приезжаю, да иногда чтобы отлежаться, когда приболею.

— Что-то я не помню, чтобы вы, Мария Фоминична, болели, — ответила тогда Зинаида Филипповна. — А кстати, как это вам удается, чтобы простуды вас обходили? Знаете какой-то секрет?

— Секрета, дорогая моя, никакого нет. Просто с раннего детства заставляли закаляться. Сначала родители в семье, потом в Смольном. Там подъем был в шесть утра

и обливались холодной водой. Насухо растирались жестким полотенцем, а потом молитва и завтрак. И всегда зарядка. А еще отец говорил, что никогда не надо кутаться в теплую одежду. Так и делаю с тех пор до этих. Думаю, что потому и не болею. А еще, видите, Зинаида Филипповна, какая я худая. Ко мне никакой болячке и прицепиться-то некуда, — улыбнулась старушка.

Она рассказывала Зинаиде, как училась в Смольном институте благородных девиц. Было это почти как в армии. Подъем, молитва, зарядка, завтрак, учеба, обед, прогулка, молитва и сон. Всюду строем. Платья у всех одинаковые: в младших классах — кофейного цвета, в средних, у девочек от 12 до 15 лет — голубые, а у старших — белые. И не дай бог испачкать! За любые промахи наказывали. Никуда не выпускали. Кормили почти впроголодь. Воспитатели боялись, как бы девочки не растолстели. В завтрак давали кашу и чай с кусочком белого хлеба, покрытого тонким слоем масла и кусочком сыра. В обед обычно суп и кусочек отварного мяса, а в ужин снова чай с булкой. Соблюдались все посты.

— В спальнях зимой холодрыга, — вспоминала Мария Фоминична, — это запомнилось, а ещё постоянные унижения от воспитателей. Они были явно с садистскими наклонностями. Однако унижали нас только морально. Бить боялись, но стравливали учениц друг с дружкой, а потом и тех, и других наказывали. Учили русскому, французскому, немецкому, немного английскому и арифметике. А еще рукоделию и танцам. Учили плохо. Родители, когда это поняли, меня оттуда забрали, отдали в обычную гимназию, а потом, когда стала повзрослей, определили на высшие Бестужевские курсы. Отец там преподавал. Дружил со многими преподавателями, и меня приняли не по правилам. Прозэкзаменовали большой комиссией, выдали документ о том, что я сдала экзамены по курсу полного среднего образования. Написала заявление. К нему приложила метрики, эту бумагу, гимназию-то я не закончила, и документ, что училась в Смольном институте благородных девиц и гимназии.

— И всё?

— Всё.

— И никаких вступительных экзаменов?

— Никаких, — засмеялась Мария Фоминична. — У других тоже не было никаких вступительных экзаменов. Только им было не менее 21 года. А мне всего 18. Положено было на эти высшие курсы принимать с 21 года, но для меня сделали исключение. Я тогда очень этому радовалась. Была счастлива. Но недолго. Проучилась всего два года. Произойшла революция, и курсы закрыли.

— А почему Бестужевскими называли?

— А тут всё очень просто. Первым директором курсов был Константин Николаевич Бестужев-Рюмин, ученый-историк. Он изучал летописи, написал курс русской истории, но окончить его не успел. Заболел и умер. От его фамилии и название пошло. Учили там, не в пример Смольному, хорошо. Но учеба была платной. За год — сто рублей. Это было немало. Совсем немало.

— А чему учили?

— Да много чему, Зиночка Филипповна. Я ходила на лекции и занятия по психологии, философии, истории литературы, французскому, немецкому и английскому языкам. А еще вместе со студентками физмата училась математике, физике, химии, ботанике, зоологии; — было видно, что старушке приятны эти воспоминания. Она вдруг засмеялась: — Народ у нас уж больно острый на язык: «бестужевки» одно время, особенно вначале, дразнили «бестыжевками». Но позже, когда я училась, уже почти не дразнили.

Зинаиду Филипповну многое удивляло в этой женщине. И глубокие знания, и простота, но не та, которая хуже воровства, а настоящая, за которой скрыты знания, ум и умение ими пользоваться. Была она всегда доброжелательна, спокойна, нетороплива и вежлива. Одежда старенькая, но всегда опрятная, и носила она эту одежду так, как умеют только королевы. В походке, в каждом движении чувствовалось достоинство и огромная железная воля.

Много о чем вспоминали и говорили эти женщины. Они любили встречаться и бывать вместе.

Зимой в слякоть и грязь, когда стараются не выходить из дома, Зинаида Филипповна заболела. Резко поднялось давление, из носа пошла кровь. Это в очередной раз и спасло. Вызвали скорую помощь, та увезла под вой сирены в больницу. Лечилась долго, но, слава богу, обошлось. Когда совсем поправилась, вспомнила о подружке. Подумала, что если не заходит, должно быть, сама заболела. Пошла проведать. Поднялась на этаж. Позвонила в квартиру. Открыл сосед.

— Здравствуйте, можно к Марии Фоминичне?

— Я вас помню, вы с ней дружили. Только её больше нет, — сказал он, — уже две недели, как похоронили.

— А что же случилось? Я болела, была в больнице. Недавно выписали.

— А было вот что, — сосед пригласил Зинаиду Филипповну войти. Провел на кухню, налил в две рюмки водку, предложил помянуть. Помянули. Помолчали И он рассказал: — Сделалась она последнее время совсем слабенькая. Споткнулась в своей комнате и стала падать. Схватилась за этажерку. Вместе и упали. Не больно, аккуратно упали. Да вот беда. На этой этажерке стоял сервиз. Старинный. Говорила, что был подарен ей родителями на свадьбу, и она очень этим сервизом дорожила. Так вот, свалилось это богатство и вдребезги. В мелкую крошку. Ничего не склеить. Ни одной тарелочки, ни одного блюдечка и чашечки не осталось. Погоревала она денек. Я к ней зашел, попробовал хоть что-то выбрать, чтобы склеить. Ничего не было такого. Тогда она поглядела на меня и сказала: «Пора мне, Иван Николаевич, пора. Зажилась». На следующий день сходила к сыну. Попрощалась со всеми. И с невесткой, и с внуками. Вечером пришла. На другой день в комнате все передела. Оделась в чистое. Кровать заправила. Сказала, что будет умирать. Потом добавила, что умрет через семь дней. Попросила не беспокоить. Легла. Ничего не ела, не пила и, действительно, на седьмой день преставилась.

Он перекрестился. Они помянули Марию Фоминичну. Потом Иван Николаевич встал, выдвинул ящик буфета, достал серебряную чайную ложечку, протянул Зинаиде. Сказал:

— Она просила тебе на память передать. Передаю. Царствие ей небесное.

Он снова перекрестился. Зинаида Филипповна кивнула:

— Спасибо, — тоже перекрестилась, попрощалась и ушла.

Потом она часто размышляла об уходе своей последней подруги. Особенно когда тело невыносимо болело, а на душе становилось тоскливо и мучительно. Когда не хотелось жить. Думала: «Вот бы мне, как Мария Фоминична, сказать, что пора умирать, лечь и умереть, отказавшись от пищи и воды». Спрашивала себя: «А смогу ли?» Задумывалась, качала головой и каждый раз говорила: «Нет, пока не смогу. Люблю я эту штуковину с названием жизнь. Уж очень интересно, что завтра будет. Вот переживу сегодняшние болячки и узнаю!»

41. ПУРГА

Сергей видел, что бабуля последнее время стала сдавать, и все чаще и чаще оставался у неё с ночевкой, а то и на день. Благо, что работать мог через интернет, как говорили — «удаленно». Зинаида Филипповна в таких случаях тактично не отвлекала правнука от работы. Либо читала в другой комнате, либо печатала про свою жизнь на компьютере, каждый раз хваля Господа, что надоумил её научиться пользоваться этой техникой, недоступной, к сожалению, почти никому из её ровесников, либо слушала радио. В этот день Сергей решил остаться на удаленке. Завтракал он раньше её, а варил кашу на двоих. После завтрака Сергей зашел в комнату и увидел, что Зинаида Филипповна стоит у окна и смотрит на падающий сплошной стеной снег. Подошел. Обнял сзади. Спросил:

— Бабуль, тебе не холодно?

— Что ты, Сережа, батареи всюю шпарят. Да и пластиковые окна не как старые деревянные. Ни одной щелочки. Да и погода — прелесть, а не погода. Видишь, снег падает вертикально. Никакого дуновения ветерка. Не то что в Заполярье. Там слово пурга было почти равнозначно смерти.

— Как у Пушкина в «Капитанской дочке»?

— Пожалуй, пострашнее. Там, где мы жили, крыши с домов срывало. Грузовики переворачивало. Однажды и с нами такое приключилось.

— Как вы там оказались? Расскажи. И вообще чего делали?

Зинаида Филипповна прижалась спиной к правнуку. Руками обхватила его ладони. Погладила их.

— Так случилось, что могло ни нас с твоим прадедом, ни отца твоего, нашего Коли, ни, само собой, тебя не быть. Оказались мы там в пятьдесят втором году, — Зинаида Филипповна улыбнулась, вспомнила, какой теперь год, и уточнила: — В тысяча девятьсот пятьдесят втором. Леонид, твой прадед, к тому времени оканчивал строительный институт. Все-таки после демобилизации захотелось ему строить, а не разрушать. Учился заочно и работал. По специальности на разных небольших стройках. Сначала прорабом, потом начальником участка.

Однажды встретился в привокзальном ресторане с начальником управления строительства железной дороги. Оба ехали из командировок. Ждали поезда, зашли перекусить. Случайно оказались за одним столом. Оба фронтовики, офицеры. Познакомились, разговорились. Оказалось, что воевали с сорок первого и даже на одном фронте. Обоих судьба не баловала. Побывали в штрафных ротах. Были ранены не по одному

разу. Выжили. К концу войны начальник этот дослужился до командира саперного батальона. И фактически продолжал заниматься почти тем же — строить. Твой прадед окончил войну командиром танковой роты. Но в то время уже заканчивал строительный институт.

Начальник, как узнал, что твой прадед почти дипломированный строитель, да еще с командирским опытом всей войны и послевоенным опытом в строительстве, вцепился в него мертвой хваткой. Заказал коньяк, бутерброды с икрой, стал уговаривать ехать к нему на работу. И соблазнил. Обещанием через пять лет обеспечить приличной квартирой в южном приморском городе. А у нас с Лёней маленький сын, твой отец, два года как родился, и никакого жилья, кроме комнатенки в огромной коммуналке, не предвиделось. Да и зарплату предлагал в два раза большую.

Так в Заполярье и оказались. Уехали на строительство железной дороги, которая должна была пройти вдоль всего северного морского пути. Чтобы зимой, когда судам в сплошных льдах не пройти и навигация до лета останавливается, была связь по железной дороге. В вечной мерзлоте. И чтобы из Магадана можно было доставлять и золото, и много чего еще, необходимого стране, а туда возить пропитание, стройматериалы. В общем, должна эта дорога была соединить далекие окраины, богатые углем, никелем, платиной, да много еще чем, с центром страны.

Но это так было задумано, а на деле получалось непросто. Вечная мерзлота летом подтаивала, рельсы гнулись, дорога проваливалась иногда на несколько метров. Зимой, наоборот, влажный грунт промерзал, и дорога начинала пучиться, выпирать вверх. А это были миллионные убытки. Но никто не знал, как надо строить в таких условиях. Все делалось впервые. Дорогу строили одновременно на нескольких участках, чтобы потом соединять в единое полотно. Леонид контролировал и обеспечивал работу нескольких участков. Потому постоянно был в разъездах.

Семья наша получила жилье в одном из двух бараков недалеко от поселка, в котором разместилось строительное управление. В самом поселке свободного жилья не оказалось. Обещали, переселить, как только что-то подходящее освободится. Бараки построены были давно, еще перед войной. Принадлежали лагерю. Половину одного барака прежде занимала медсанчасть, во второй половине сожительствовал врач с расконвоированной красоткой, числившейся санитаркой. Когда лагерь расформировали, на его месте сделали аэродром для трех кукурузников, на которых держалась связь с большой землей, стойбищами, мелкими приисками и участками строительств. Бараки передали стройуправлению.

Лагерный врач с красоткой уехали, проклиная друг друга, судьбу, тундру и начальство. На их месте и поселили Лёню со мной и маленьким Николенькой, которого я назвала в память о Николае Николаевиче. Муж не возражал. Он вообще был добрым и покладистым человеком. А вот в работе строгим. Я видела и слышала, как он отчитывал нерадивых подчиненных. И вот что для меня удивительно — отчитывал жестко, но никогда людей не унижал. Бывало, мужики после разговора выходили от него в слезах. Сама видела. Но ни разу не было, чтобы обжались на незаслуженное. И никогда никого не оскорблял. Такого не было. Это я точно знаю.

Так вот, до самолетов от нашего барака было рукой подать. На этих кукурузниках Лёня и летал по объектам строительства. Когда прилетал, оказывался сразу дома. Автобуса не было, и в поселок постоянно мотался грузовик или тягач с прицепом, закрепленный за аэродромом. Во втором бараке жили молоденькие летчики и техники с семьями. В тот день он прилетел ближе к вечеру. Поел и лег спать. Устал. Потом Лёня рассказывал, что сквозь сон слышал, как к нам пришла соседка, шумно уговаривала меня пойти в поселок, в кино.

— Летчики привезли «Тарзана» всего на один день. Завтра увезут, и всё, и никогда не увидим. Там Вайсмюллер играет. Красавчик. Олимпийский чемпион. Он стометровку за пятьдесят семь секунд проплывает! По радио говорили.

— Да не шуми ты! — утихомиривала её я. — Муж только заснул. Всю ночь не спал, час назад прилетел с объекта. Говори тише. Иди со своими летунами.

— Да они уже давно в поселке. На грузовике уехали. Начальство вызвало. Там в клубе и встретимся.

— Как я пойду, а вдруг пурга. Да и Николеньке два километра тяжело топать по морозу. А если замерзнет?

— Какая пурга? Посмотри — небо голубое, ни облачка, солнце светит. Да и Колька ваш уже здоровый парень, почти пять лет. Оденем потеплее, за руки возьмем, за полчаса дойдем. Идти-то всего ничего. Кино красивое поглядим. И сынишка ваш увидит не эту богом забытую тундру, а джунгли, зверей разных, слонов, тигров, львов, обезьян, природу настоящую! Ведь никогда такого парень не видел. А назад все вместе придем. За десять минут назад домчимся, — уговаривала соседка.

Потом Лёня вспоминал, что заснул и не слышал, как мы одевались, выходили из

дома, закрывали дверь. Проснулся он, вдруг сообразив во сне, что метель. Вскочил с постели. За окном выла вьюга. На столе под тарелкой с пирожками лежала записка: «Борщ и второе в духовке, пирожки на столе. Кушай на здоровье! Приятного аппетита. Мы ушли в кино, будем часа в четыре». На часах — половина шестого. Еще во сне ему стало тревожно. Говорил, что снилось что-то нехорошее. Что, не запомнилось, но тревожное.

Действовал быстро. Что такое пурга, знал. Знал, что стоит отойти шагов на десять — и ничего не видно. Назад можно не вернуться. Замерзнуть насмерть. Бродить вокруг дома, кружить, а самого дома не увидеть. Сколько раз людей замерзших находили почти на пороге. Зажег лампу, поставил на подоконник. Вторую подвесил сверху на второе окно, в надежде, что свет в черноте ночи увидят. Взял большой аккумуляторный фонарь, ружье, охотничий нож, вышел в тамбур. Вспомнил, вернулся и захватил компас.

Потянул на себя дверь. Та легко подалась, открылась, и на него свалился здоровенный ком снега. Двери на улицу в этих местах открывались внутрь. Специально, чтобы после снежных заносов можно было откопаться, выйти из дома. Рассказывал, как лопатой пробил дыру в сугробе, шагнул. Пурга ослепила, швырнула в лицо острое ледяное крошево. Ветрище, будто великан схватил за тулуп, потянул в тундру, словно в лапах его оказался не восьмидесятикилограммовый мужик, а мелкий, только рожденный кутенок. Леонид успел дотянуться до дверной ручки, ухватился, устоял на ногах. Отдышался от переувлажненного духа мороза. Огляделся. Фонари в окне светились. Успокоил себя: «Если близко — увидят, обязательно увидят». Собразил, в какой стороне поселок, и сделал шаг.

Ветер слегка ослаб, уже не сбивал с ног, и метров десять удалось пройти. Потом снова налетел, свалил, потащил. Леонид ухватился за что-то торчащее из земли, удержался. Порыв почти стих. Он поднялся. Сперва на четвереньки, потом встал во весь рост. Огляделся. Лампы в окнах светились желтыми точками. По их свету сообразил, в какую сторону надо двигаться. Понял, что будет это делать перебежками между порывами, и быстро пошел. Снова налетел ураган, но Леонид почувствовал его за секунду, успел воткнуть длинный нож по самую рукоятку в плотный, утрамбованный снег дороги и удержался. Когда буран ослабел, втащил нож и перебежал на несколько метров. Так получалось много раз, он вскакивал, бежал, падал, вонзал нож в пласт снега, лежал, снова вскакивал и бежал.

Вдруг ветер рванул без передышки. Он не успел упасть на землю, закрепиться на ней, и его понесло, завертело, долго крутило, потом ударило обо что-то большое, вдавило спиной в эту преграду и отпустило. Он подвигал руками, ногами — ничего не поломано. Повернулся, включил фонарь, чудом не сорвавшийся с ремня. Перед ним стоял занесенный почти до крыши грузовик! Нашупал ручку и, когда ветер стих, открыл дверцу. Очередной порыв зашвырнул его внутрь и захлопнул дверь. Кабина была пуста. Должно быть, машина заглохла, и те, кто ехал, решили добираться своим ходом.

Здесь, в затишье, муж понял, как неимоверно устал в борьбе с ураганом. Говорил, что думал, и постоянно повторял только одно: «Хоть бы мои не уговорились ехать на этом драндулете, хоть бы остались в поселке, в клубе».

Ветер с лютой ненавистью выл снаружи, забрасывал снегом, и скоро Лёня оказался внутри огромного сугроба, завалившего машину. Стало почти тихо, спокойно. Свет фонаря начал желтеть, и мрак за стеклами казался уже не белым, а желтоватым, серым. Чтобы сберечь зарядку, выключил фонарь и успокаивал себя мыслью, что я и соседка догадались переждать пургу в клубе или нас кто-нибудь надоумил это сделать. Скорее всего, думал он, так оно и есть, но иногда подкатывал ужас: «А вдруг поехали, вдруг не остались в поселке! Что тогда? Как искать?» Но разум брал верх: успокаивал себя, что я женщина опытная, разумная, не стану рисковать сыном. Решил, что и ему не надо спешить, что надо немного отдохнуть, а потом идти и убедиться, что так и есть. Его, крепкого сильного мужика, пурга вымотала, не оставила сил двигаться дальше. Опыт говорил, что раз уж тут оказался, надо немного передохнуть, а потом снова идти, вглядываться во тьму, пытаться увидеть своих, пробираться к поселку. Снаружи лютвала метель. Здесь было тише, спокойней. Снег законопатил щели. Не дуло. Глаза сами закрылись. Буря, казалось, затихала, успокаивалась. Вскоре стало совсем тихо. Тепло.

Твой прадед потом вспоминал, что задремал и во сне, будто наяву, увидел, как ангел вспорхнул из зеленой травы, совсем близко. В полушаге. Пронесся, едва не задев прозрачным крылом. Это крылышко на секунду отразило солнце, ослепило, и ангел исчез. А его переполнило веселье, он запел, потом в ритм стал пританцовывать, размахивать руками, сорвал с головы соломенную шляпу, подбросил, поймал, снова подбросил и снова поймал. Вокруг летали ласточки, стрекозы, ангелы, жужжали большие жуки, полосатые пчелы собирали нектар. Вдруг облака раздвинулись, и на него строго посмотрел Бог.

Леонид очнулся. Сообразил: «Да ведь я чуть не замерз. Спасибо, Господи, что разбудил. Помоги, чтобы мои остались в поселке, чтобы не поехали или, тем более, не пошли домой». Он включил фонарь. Поглядел на часы. Прошел час, как заснул в кабине. Руки окоченели. Снял варежки, начал дуть на пальцы. Отогрел. Стянул унты, портянки, шерстяные носки, растер ноги. Огляделся. Нож висел на веревке на левой руке, а ружья не было. Подумал: «Должно быть, осталось снаружи, у кабины. Если ветер не унес. А если утащил — тогда все, тогда не найти». Окончательно пришел в себя, вспомнил про сон, удивился: решил, что это добрый знак.

Попробовал выйти. Дверь не поддавалась. Видать, крепко её прижало снегом. С другой стороны, с водительской — открылась. Пурга поутихла. С ног не валила. Можно было двигаться. Он обошел грузовик. Снял зацепившееся за полуоторванную доску на кузове ружьё. Обрадовался, что не сорвало, не унесло. Выстрелил. Послушал, в надежде, что, может быть, отзовутся. Нет, только выл ветер. Зарядил. Повесил на плечо. Потом посмотрел на часы. Десять. Отошел подальше от грузовика, определил по компасу, где должен быть поселок. Двигался в темноте, пытаясь рассмотреть, не видны ли мы. Остановливался, прислушивался — может, зовут на помощь? Ничего не было слышно. Время от времени проверял, не сбился ли, и снова шел, вглядывался в ночь, прислушивался.

«Только бы сидели на месте, только бы не отправились домой. Летуны — почти пацаны, на них надежды никакой. Да и эта настырная соседка наверняка будет уговаривать. Наверняка. Хотя бы Зина не согласилась. Нет, она не станет рисковать сыном, не поедет с ними, останется», — как заклинание убеждал он себя.

Старался идти быстро. Чувствовал, что коченеет, отмораживается лицо. Ругал себя, что забыл намазаться гусиным жиром. Когда совсем изнемог, стал, как на посох, опираться на ружье, но стальной ствол сквозь рукавицы морозил руки, да и тяжело было переставлять его. Решил опять повесить на плечо. Остановился, посмотрел на компас — нет, не сбился. Буран почти утих. Появилась луна. Звезды. Наученный еще в детстве своим дедом, старым офицером, Леонид легко нашел Полярную. Убедился, что идет правильно. Но, видать, далеко его отнесло пургой. Ухмыльнулся, вспомнив, как дед поднимал вверх указательный палец, когда произносил: «Внук, учись ходить по азимуту, попомнишь мое слово, пригодится». Пригляделся — поселка не было видно. Хотя уже пора было бы...

Вдруг увидел волков. Трех. Двое скалились метрах в пятнадцати, а третий — чуть поодаль, сбоку. Леонид неспешно снял с плеча ружьё, прицелился, нажал на спусковой крючок. Осечка. Волки медленно пошли на него. «Не паниковать. Спокойно. Всё получится», — сказал самому себе. Снова взвел курок, плавно нажал. Ружье выстрелило. Волк взвизгнул, завалился. «Готов». Остальные отбежали. Он вставил в ствол новый патрон. Ружьё держал наготове и уверенно пошел вперед, перешагнув через волка. Казалось, что на него глядят с ненавистью, но уже не как на ходячий кусок мяса, не как на еду. Он неспешно прошел метров десять, остановился, медленно повернулся. Волки жрали убитого. Должно быть, сильно оголодали.

Потом Лёня рассказывал, что хотел сберечь патроны и больше не стрелять, но вдруг подумал, а если жена с сыном сейчас идут к дому, он с ними разминутся, а эти сволочи нападут, станут рвать, растерзают. Выстрелил. Волки отбежали. Последний порыв ветра швырнул в лицо снегом, скрыл на секунду зверей, луну, звезды, и буран затих. Пошел быстрее, иногда оглядывался — волков не было видно. Должно быть, заморили голод и решили с ним не связываться, а может, следят издали.

«Только бы мимо поселка не проскочить. Только бы мои оставались в клубе, — повторял и повторял. — Нет, — убеждал себя Леонид, — не могут они никуда идти, сидят в клубе и ждут меня. Верят, что я приду и ждуть!»

Пурга прекратилась, но мороз уже добрался до самого нутра, сдавил смертельной хваткой. Ноги стали стеклянными, с трудом переставлялись. Руки онемели, и если бы волки показались теперь, вряд ли он смог бы опередить их и вообще вряд ли смог выстрелить. Потом не понимал, как вообще получалось двигаться, почему не падает в снег, не умирает.

Наконец увидел огоньки. Потом первые дома. Добрел до клуба. Стал стучать. Дверь мгновенно открыли. «Зина! Слава Богу! Здесь!» Леонид ввалился в тепло. Потерял сознание. Не слышал, как я плакала, шептала:

— Лёничка, слава Богу, живой, прости меня, дуру, слава Богу, ты живой.

Я раздевала твоего прадеда, моего мужа, осматривала ноги, руки, лицо. Делала все, что положено, как когда-то на занятиях по медицинской подготовке в НКВД рассказывал знакомый военврач. Обливала чистые тряпки горячей водой из чайника, чуть охлаждала их, пробовала на своей щеке, теплые прикладывала к ногам, рукам, лицу, легко, нежно, чтобы не повредить отмороженные части тела. Когда Лёня пришел в себя, напоила горячим чаем, укутала в нагретую у печки одежду. Рассказала, что чуть

буря утихла, Галка стала уговаривать поехать домой на грузовике с летчиками, но я напрочь отказалась, а те поехали. Леонид молчал, кивал головой, вздыхал, обнимал жену, говорил:

— Ну и напугала ты меня, дурёха.

На лавке под тулупом клубного сторожа посапывал Николенька. Леонид через силу встал, подошел к сыну, поправил сползшую шубу, тихо-тихо прошептал: «Должно быть, и вправду Бог улыбнулся мне». Потом голова у него закружилась, и он осторожно, чтобы не разбудить сына и не напугать жену, сполз на пол и снова потерял сознание.

На следующий день, к вечеру, нашли замерзших, обглоданных волками двух летчиков и Галку. А Лёня сильно обморозился. Пролежал две недели, но обошлось. Ничего не ампутировали. Все зажило. Пока лечили, много раз повторял мне, каждый раз с большими подробностями, как добирался до поселка, как чуть не замерз в кабине грузовика. Как тайну, шепотом рассказывал про сон, который разбудил его, не дал погибнуть.

Зинаида Филипповна повернулась к правнуку. На глазах были слезы. Она гордилась своим Лёней. Молчаливым, мужественным, добрым, любящим.

— Другой, — закончила она рассказ, — сидел бы дома в тепле и ел пирожки. Мол, они в поселке переживают пургу. На том бы и успокоился. Лёня так не мог. Не та порода. Такие своих не бросают. Такие и победили в той страшной войне.

Сергей прижал бабулю к себе. Маленькую, хрупкую, измученную долгой, сложной, неласковой жизнью, но не сдавшуюся. Очередной раз понял, как же он любит её, свою прабабушку, прадеда Лёню, ведомого ему только по её рассказам, да по рассказам своего отца. Хотел об этом сказать, но дыхание перехватило, не смог. Да, должно быть, и не надо было ничего говорить.

42.

Когда Николенька подросток, стали задумываться, что пора перебираться в более обжитые места. Да и время в стране стало поспокойнее. Они соскучились по теплу и на семейном совете решили переехать в большой южный город на берегу Волги. Так и сделали. Обустроили и отремонтировали купленный дом. Вырастили сад.

Иногда приезжали в гости в Москву. Любили останавливаться у Зининых сестер. Чаще у Любы или Маши с Ириной Михайловной. Реже у Нины. Почему-то Леня стеснялся её ученого мужа. Привозили в подарок большие коробки с южными овощами и фруктами. Те удивлялись, что такие большие и вкусные помидоры, абрикосы, груши выросли не где-нибудь, а в доме их сестры и её мужа. К ним, пока был подростком, а потом студентом, приезжал на каникулы в Москву Николай. Любил слушать рассказы о далеком для него прошлом. О путешествиях и походах тети Иры и тети Маши по стране, маминой, тети Любиной и Нининой жизни в Персии. О московских театрах и музеях. От них узнавал новости московской театральной жизни. Иногда в эти маленькие походы брали с собой его. Он всегда думал, что Ира и Маша — его любимые тетушки. Так оно и было. Эти тетушки, знакомые со всеми хранительницами московских музеев-квартир, своими ровесницами, были другими. Неподобными на тех, кто ходят по улицам и музеям в сопровождении экскурсоводов и по их велению смотрят то налево, то направо и бесконечно фоткаются, а потом хвастаются, что были там.

Когда Зинаиде Филипповне перевалило за сто, она частенько стала вспоминать и повторять фразу, которую слышала от Маши в её последние годы: «Завод закончился, пора ложиться спать...» Улыбалась, представляла заводную куклу с пружинкой внутри, которую надо закрутить ключиком, и тогда эта кукла снова станет неутомимо двигаться, пока завод не закончится.

Лёню не стало в 78 лет. Ранения и контузии сделали свое дело. Гораздо позже, на Афганской войне, немного не дослужив до отставки, погиб Владимир. На похоронах она не проронила ни слезинки. Обняла его полковничий мундир с орденами и медалями, уткнулась в него и застыла. Надеялась, что Володя с семьей вот-вот переедут к ней в родительский дом. Не случилось. Жена и внучки без него не согласились. А она с Володей об этом строили планы, мечтали...

Вот уж действительно — захочешь посмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

Одна в этом доме жить не захотела. Младшенький, Николай, увез её к себе в Москву. А потом и его не стало. Остался правнук. Сережа. Очень похожий на прадеда Леонида. Даже не верилось, что так бывает. И характером, и голосом... Зина не знала Лёню в молодости и вот теперь узнавала.

Она догадалась — это был для неё подарок от Бога. Его добрая улыбка.

43.

Зинаида Филипповна много раз перечитывала то, что написала. Ей не нравилось. Уж очень много негатива выходило. Будто хорошего было много меньше. А на самом деле было не так. Жизнь прошла интересной! Трудностей, как говорит правнук — «вагон и маленькая тележка», да не они были главным в жизни. В долгой, большой, светлой. Именно не мрачной и страшной, а светлой и солнечной.

Зинаида Филипповна вспоминала поездку с Андреем в Мешхед. Разговор, в котором он, в общем-то, ничего не сказал нового. Но говорил и улыбался. Не было в нем ни озлобленности, ни ужаса, ни страха. Он делал свое дело. Честно и умело. Улыбаясь советовал Зинаиде больше читать, больше узнавать. Это же так интересно!

Часто повторял: «Зиночка, не пытайся сделать все так, как тебе хочется. Все равно жизнь повернет по-своему. Довольствуйся тем, что получилось так, как получилось. Что солнышко светит, дождик льёт, снег падает. Этому и радуйся. И все будет хорошо. Улыбайся! У тебя чудесная улыбка. Господь подарил её тебе. Чаще улыбайся».

Она услышала и запомнила его слова, постепенно пристрастилась к чтению. Узнала, что слова, которые он говорил, были из учения стоиков. А фразе: «Делай, что должно, и будь что будет» — больше двух тысяч лет, и принадлежит она стоику Марку Аврелию, римскому императору.

Примерно такие же слова говорил ей старый доктор, когда лечил. Так она и поступала. Радовалась тому, что есть. Понимала, как непросто и быть честным, и уцелеть, и не стать подлецом, и строить неведомую новую жизнь. А жизнь, действительно, становилась со временем лучше.

Однажды Зинаида прочитала стихотворение. Ей показалось, что точнее трудно передать то, что было в жизни, и то, что накопилось у неё в душе.

*За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.*

*Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...*

*Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.*

*Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.*

Век-волкодав. Точно и верно сказал этот поэт. Скольких пожрал этот век-волкодав. Не счастье. Век сокрушил империи. Создал новые государства. Пожрал сотни тысяч людей в войнах. Пожрал, даже не поняв, что они не волки по крови своей. Что тоже хотели строить новую жизнь. В новых государствах. Не «гремучую доблесть грядущих веков», а простую счастливую человеческую жизнь. Не хотели они, эти люди, «видеть ни труса, ни хлипкой грязцы, ни кровавых костей в колесе», а мечтали о счастье. Счастье для всех. Хотели, «чтоб сияли всю ночь голубые песцы... в своей первобытной красе». Вожди половины Европы обещали им, врали. Люди верили. Жили будто околдованные, шли за ними, как крысы за мальчиком с дудочкой на свою погибель.

В нашей стране строили новую неведомую жизнь. Таковую, о какой раньше только мечтали. Строили отчаянно, самозабвенно, жертвуя собой и другими. Строили и, казалось, не понимали, что о такой жизни проповедовал Христос две тысячи лет назад. Строили царствие небесное и с церковью же боролись... «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят».

У Брейгеля есть картина «Слепцы». Идут они друг за дружкой по дороге. Держится каждый за спину того, который перед ним, а первый — такой же слепец. Ощупывает посохом дорогу. Куда всех и себя заведет — неведомо...

Однажды, когда разбирала бумаги в столе младшего сына, нашла стихотворение, написанное им, должно быть, по этой картине:

*...Бредут слепцы.
На черный день в котомке за спиной краюха.
Коричневая шапочка нужды
Калики маятник столетья движет.
Египет. Рим. СССР.
Бредут слепцы все дальше.
Лягушка на обочине обрыва
Давно окаменела от сомненья,
Дойдут ли?*

Зинаида Филипповна читала о том времени. А написано было очень много. Она-то знала, как было, а очередные сиюминутные властители дум врали, придумывали, раздували до вселенских размеров людские беды и трагедии. Принизали успехи. Поливали грязью прежнюю жизнь. Будто сами в ней не жили, не радовались успехам, не горевали, когда приходила беда. Зинаида Филипповна перечитывала многое. От статей Сталина до стихов Мандельштама. Она уже давно поняла, что часто суть эпохи точнее и правдивее поэта никто не сможет сначала почувствовать, а потом выразить.

Маяковский написал: «Далеко давным, годов за двести, первые про Ленина восходят вести». И это было верно. То, что случилось в 17-м году двадцатого века закладывалось действительно давно. Недоведенные до ума реформы. Крепостное право до второй половины 19-го века. А потом освобождение крестьян без земли. Такое освобождение для многих было бедой, да такой, что лучше бы не освобождали. Маховик раскручивался и раскручивался. Оттон Борисович Рихтер, генерал-адъютант Александра III, руководивший особой канцелярией, занимавшейся принятием прошений, подаваемых на высочайшее имя, превосходно знавший положение дел в Российской империи, в одной фразе описал императору ситуацию в стране: «Представьте себе, государь, котел, в котором кипят газы. А вокруг ходят специальные заботливые люди с молотками и старательно заклепывают малейшие отверстия. Но однажды, государь, газы вырвут такой кусок, что заклепать-то уж будет и невозможно».

Те, кто управлял страной, не слышали этого. Делали, по неведению и неразумению, будто нарочно, всё, чего не надо было делать, и не делали того, что надо было. Вот и получили. Бунт. «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Точнее Пушкина не сказать. И назвали потом этот бунт революцией. И в очередной раз лучшие люди погибали. А сколько этих разов было до... Теперь это называют генофондом. Слово-то какое придумали... Гибли лучшие. Не было уже у власти людей, способных принимать верные решения. Посмотрите на портреты аристократов начала двадцатого века. Серов, великий живописец Валентин Серов очень точно написал их портреты. Посмотрите на их лица, и все станет ясно. Это лица кого угодно, но, скажу излишне тактично, не интеллектуалов. Вести страну надо было. А эти и не могли, и не хотели. Вот их и отторгла страна. Отторгла жизнь. Вышвырнула. И повели страну другие. Куда могли, туда и повели. Повели те, у кого появилась великая идея — светлого будущего. Народ поверил. К этому светлому и пошел.

В 1928 году Сталин, кажется, в выступлении на пленуме ЦК ВКП(б) «О индустриализации и хлебной проблеме» впервые выдвинул тезис, что «по мере продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться». Через десять лет он повторил это, но в еще более жесткой форме в докладе на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников»: «Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных. Так учит нас история. Так учит нас ленинизм».

Теперь, через много-много лет, Зинаида Филипповна, размышляя о стране, видела, что не там Сталин искал главных врагов. Искал пятую колонну, на манер той, которая была в Испании в тридцатых годах и которая уничтожила испанскую республику, предав её изнутри. А в СССР такая колонна если и была, то к тому времени слабая. Зато колонна огромная и гораздо более опасная пряталась в головах людей, казалось, близких и преданных, кричавших «ура» на парадах, хлопавших в ладоши и одобрявших все, что скажет начальство. Эта колонна умела прекрасно мимикрировать. Впервые высунулась эта колонна сразу после Великой Отечественной, когда многие маршалы и генералы, увидев богатства в фашистской Германии, начали чемоданами и вагонами тащить шмотки, золото, картины и прочее, и прочее к себе. В свои казенные дачи и дома. Тащили в казенные, а мечтали и начинали строить дома и дачи собствен-

ные. Частные. Принадлежащие только им и никому больше. Так верхушка и начала превращаться из «пламенных борцов» в тряпичников и барахольщиков. Постепенно, день за днем, год за годом, пока полностью не выродились. А уже потом растащили и всю страну...

Зинаида Филипповна начала все это описывать, но, промаявшись несколько дней, передумала, поняла, что ни к чему. Что не её это дело. Что нет даже сложного ответа на простой вопрос: кто прав, кто нет.

Она улыбнулась, вспомнив лозунг Хрущева: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Подумала: «А ведь мы и в самом деле к восьмидесятому году, при Брежневе, жили почти при коммунизме». Потом вздохнула и прочитала вслух сама себе неизвестно откуда всплывшее четверостишие:

*Дом стоит на горе.
Дом — огромная светлая школа.
Только окна темны.
И дорога давно заросла...*

Хитрость не заменяет ум и знания. А знаний-то как не хватало, так и не хватает.

44.

Иногда Зинаиде Филипповне надоедало записывать то, что вспоминалось, и она печатала с ходу, без правок размышления о том, что любила, что стало частью её жизни. Получалось вот что:

«Порыв холодного ветра. Уже не догнать сорванную соломенную шляпу, не укрыться от ледяного дождя под сломанным зонтом старику крестьянину из рыбацкой деревни. Ветер вырвал из лап коромысла деревянные ведра. Унес.

А время унесло и зонт, и шляпу, и жизнь... Гром поминальными литаврами подгоняет минуты. Темнота мир заполняет. Молния! Молния осветила Эдо. Старик взглянул вверх. Увидел! Такое бывает единожды. В секунду жизнь обрела смысл. Воскликнул: «Господи, за что мне такое счастье!»

У одних счастье — видеть, у других — слышать, у третьих другое, своё, всегда неповторимое. Бывает счастье понимать и первых, и других... Неправильное слово — «первых». Каждый — первый, и другого такого не будет. Только не расплещи ведро воды, которое подарила жизнь вначале. Не растрать. Сколько о том говорено. И я туда же.

Странное нынче время. Матери меняют счастье жить с детьми на бумажки. Едва проснутся, наспех поедят и поскорей от своих детей туда, где за их повиновение, за то, что безропотно выполняют приказы, дают несколько раз в месяц бумажки. Конечно, эти бумажки можно поменять у других чудиков на еду, вещи, развлечения.

Но еду можно вырастить самим, одежду поменять на еду, а развлечения... Посмотри на мир, на реку, лес, вспомни того старика из рыбацкой деревни с гравюры Утагава Хиросигэ. Да что я говорю, играй со своими детьми, придумывай вместе с ними дела, учи их смотреть на мир и видеть то, чего не видят другие. Не бывает интереснее развлечения. Не бывает.

Затянулось предисловие.

Люблю поздним осенним вечером глядеть в окно. Дождь объясняет, как перезимовать. Как жить. Не возле окна, а вообще.

Недавно сосед приехал из Франции. Хвастался: ходил в Лувр!

— Ну и как, — спрашиваю, — там?

— Ничего, — говорит. — Мону Лизу смотрел.

— И чего?

— Как чего? Знаешь, сколько она стоит!

— Ты, — удивляюсь, — в Лувре был или на Пегаль?

— Ты-ы-ы, — ржёт. — Там булки дорогие. Я с утра в гостинице наемся — завтрак включен. Пакетик с чаем в кипятке поболтаю, напьюсь — включено! Бесплатно. На целый день хватало. Зато возили на экскурсию на завод, где вино делают, так там напоили на халяву. Я целую бутылку выхлебал. И еще с собой прихватил втихаря. В бутылку от воды из пластика. Как знал, поберег пустую.

— Молодец, — говорю, — а чего ездил-то? Тут вина в магазинах валом.

— Шмотки на распродаже покупал. Знаешь, какие дешевые! Нет, ты даже не представляешь. Почти халява. Затарился по полной. Тут продал, всю поездку окупил, да ещё с прибывшими остался.

— А в Лувр-то чего ходил?

— Ну, ты даешь! Все ходят. Приобщиться к культуре.

— Приобщился?

— А то!»

45.

— Зинушка, иди домой!

— Ни пайду!

— Зинушка, я кому сказала, иди домой!

— Ни пайду! — пятилетняя Зинушка, третья дочка в семье, визжит от восторга и убегает от вышедшей из дома матери. Мать принимает игру и делает вид, что пытается, но не может догнать дочку:

— Сейчас поймаю, по попке надаю, экая ты неслух.

Зинушка смеется от счастья принятой игры. От того, что ей удалось отвлечь мать от домашних дел и заняться ею. Она убегает по прохладной мягкой траве босиком, спотыкается, но мать успевает подхватить, подбрасывает ее высоко-высоко, ловит, прижимает к себе и целует. Зинушка утыкается в большую, приятно пахнущую куличами материнскую грудь и заливается слезами.

Она плачет взахлеб, безутешно. Ей вдруг пришла мысль, что это детское счастье когда-нибудь закончится, что мамы, такой любимой и единственной, не будет, что никто ее не подкинет высоко в небо, не станет бегать за ней по пушистой зеленой траве, догонять. Не будет улыбаться ее проказам.

Мать не понимает причины плача, обнимает дочку, прижимает к себе, гладит по головке, утешает, говорит, сама того не подозревая, самые главные для Зинушки слова:

— Ну что ты, доченька, я здесь, я с тобой, я тебя люблю больше всех на свете, я всегда буду с тобой.

Зинушка утирает слезы и спрашивает:

— Мамочка, а ты не умрешь?

— Не умру, доченька, не умру, любимая.

Завтра в селе Бахметьево большой праздник. Пасха.

Родители Зинушки три дня назад приехали из Москвы в родное село повидаться с родителями. Проститься перед долгой разлукой. Филипп Мефодиевич, отец Зинушки, направлялся в Персию на заготовку шерсти, хлопка и для отправки их в Россию на фабрики Морозовых. Семья с младшими дочками уезжала с ним. На четыре года.

Мать заносит Зинушку в дом, усаживает на выскобленную до белизны лавку и поручает важное дело.

— Зинушка, — говорит она, — вот тебе изюм, перебери его. Соринки, камешки и плохие изюминки отложи в одну кучку, а хорошие — в другую. Да смотри, не ешь. Станешь лакомиться, накажу. Мне за тобой следить некогда, надо тестом, пасхой да другой едой заниматься. За тобой Бог следить будет. От него ничего не скроешь. А я приду скоро, проверю.

Анисья Дмитриевна ушла, а Зинушка принялась за работу.

Мусора в изюме было мало, и горка ягод становилась больше и больше. Кучка сора была маленькой. В нее изредка попадали волокна от мешка да веточки, которые Зинушка отрывала от изюмин. Песчинок и камушек почти не было. Зинушке очень хотелось, чтобы мама похвалила ее за работу. «А какая же, — подумала она, — будет похвала, если сора почти нет. Надо бы его добавить».

Зинушка выбралась из-за стола и отправилась во двор за мусором. Вскоре горка мусора на столе подросла. В ней появились куриные перышки, песок, зеленые листочки сорняков, камушки, щепки и еловые шишки, приготовленные дедом для самовара. Похвала от матери была почти обеспечена, но Зинушка вспомнила, что надо было еще отделить плохие ягоды. А для этого надо попробовать.

Зинушке давно хотелось съесть изюминку, но было страшновато — ведь за ней Бог следит и все видит. Она покосилась на иконы в углу комнаты, украшенные чистыми расшитыми полотенцами над зажженной лампадой сверху. С икон на нее смотрели печальные глаза Иисуса Христа, Богородицы, Николая Угодника и Святых.

Зинушка подошла к ним, встала на колени, поклонилась до пола, как это делала мать, и начала молиться: «Отче наш, сущий на небесах...»

Помолившись, Зинушка три раза перекрестилась, каждый раз кланяясь. Потом шепотом, чтобы никто не подслушал, попросила: «Господи, можно я попробую немного изюмин? Они такие вкусные, — и для убедительности добавила: — Мне и мама велела попробовать, чтобы отделить плохие от хороших».

Иконы молчали. Бог строго смотрел на Зинушку. Ее хитрость не удавалась. Он не разрешал и все видел. А изюмин так хотелось. Тогда Зинушка достала из сундука большое льняное полотенце, подставила стул, на него маленькую скамеечку, забралась к иконам и занавесила. Всех.

— Теперь не увидите.

Зинушке жалко было попробовать из перебранной кучки, и она подошла к буфету.

Открыла дверцу, наклонилась, развязала холщовый мешочек, в котором хранился изюм, и набрала целую горсть. Изюм был вкусный, сладкий. «Попробую еще одну, последнюю», — решила Зинушка, зачерпнула горсточку побольше, сколько поместилось в ладошку, закинула изюм в рот и принялась завязывать мешочек.

По пошке сильно ударили. «Бог увидел! Наверное, в полотенце была дырочка. Теперь я попаду в ад!» — сообразила Зинушка, начала креститься и отползать от буфета, повторяя:

— Прости меня, Господи! Прости меня, Господи!

Следующий шлепок был посильнее и заставил Зинушку оглянуться. За ней стоял не Бог, а дед. Хлестал ее снятым с икон и скрученным полотенцем и приговаривал:

— Вот тебе, вот тебе!

«Бог не видел, значит, в ад я пока не попаду», — обрадовалась Зинушка и громко заплакала от пережитого страха и третьего самого большого удара.

— Анисья! Ты посмотри, что удумала твоя Зинаида, — возмутился дед, — полотенцем иконы завесила, чтобы ее проказы не видны были! Бог, он и через полотенце все видит! От него за полотенцем не скроешься, — дед отдал полотенце подошедшей дочке, повернулся к иконам, перекрестился и попросил: — Господи, прости ее, неразумную.

Потом молча постоял перед иконами. Про себя помолился, перекрестился с поклоном и отправился в другую комнату, отдохнуть перед всенощной.

Мать обняла плачущую Зинушку. Покачала ее. Та всхлинула еще несколько раз, успокоилась и уснула. Анисья Дмитриевна отнесла дочку в кровать, постояла около нее, поцеловала и осторожно, чтобы не разбудить, вышла из комнаты.

А Зинушке уже снилась Пасха. Ей снилась освещенная ярким светом церковь, сверкающие золотом иконы, Бог, который вместо её деда вел службу, прощал прегрешения, просил не грешить больше и объяснял, как это делать. Он ласково посмотрел на Зинушку, поманил ее пальцем, она не испугалась, подошла. Бог перекрестил, поцеловал в лоб, сказал, чтобы жила долго, счастливо, не таскала из буфета изюм, а он не оставит и будет любить ее всегда.

46.

Зинаида Филипповна проснулась, открыла глаза, улыбаясь доброму сну.

— Что-то частенько я стала видеть детство, — покачала она головой и сама себе сказала: — Это к счастью! Зинушка, — улыбнулась Зинаида Филипповна, вспомнив, как давным-давно, в детстве, её называли родители, папочка и мамочка. — Это в каком же году я была пятилетней Зинушкой? В тринадцатом? В тысяча девятьсот тринадцатом. Господи, столько и не живут. Как долго шла жизнь и как быстро промчалась! — Зинаида Филипповна отбросила одеяло, не спеша, чтобы не упасть, встала с кровати, пошла в ванную комнату. — Сначала контрастный душ! Сегодня каши не будет, сегодня побалую себя яйцом всмятку с кусочком ржаного хлеба с маслом и сыром, а после сделаю маленькую зарядку, чтобы не болела спина, — говорила она вслух. Вслух — чтобы не было скучно. На секунду задумалась, снова улыбнулась. — Нет! Сначала зарядка, за ней душ и завтрак.

Но до душа дело не дошло. Видать, слишком быстро шла в ванну. Зубы почистить новой щеткой и умыться успела, а потом еле доплелась до кресла. Выпила таблетку и старалась глубоко вздохнуть, но не получалось. Раза с четвертого вздохнула. Сердце успокаивалось. Она улыбалась, смотрела в окно на солнышко. Радовалась ему. Вспомнила сон.

Подумала: «А все-таки самыми лучшими, после детства, были годы с Лёней. Даже не годы, — исправила себя Зинаида Филипповна, — жизнь. Большая, долгая жизнь. Много сложностей, но и много радостей. А у кого этих сложностей и бед не было? Должно быть, только у тех, кто и не жил. Как жалко, что в её роду остался только Сереженька. Как жалко, что ни Леня, ни Володя, ни Коленька, их с Лёней поздний сын, рожать которого отговаривали врачи, не могут порадоваться ему».

Вспоминала об ушедших Зинаида Филипповна редко. Уж очень больная была тема. Прогоняла плохие воспоминания, как когда-то давно, казалось, в другой, не её жизни, научил старый доктор.

Спохватилась, пошла на кухню. По дороге прочитала вслух детское стихотворение, придуманное давным-давно Лёней для маленького Николенки:

Карасей спросили:

Вы ли были в иле?

Промолчали караси:

Мол, гругих кого спроси,

*Мы ли были в иле.
Всем известно, что не мы,
Потому что мы немь.*

Потом в голову пришел отрывок японского хокку, написанный будто специально про неё:

*Медленно ползет улитка
До самой вершины Фугзи.*

Хмыкнула: «Сколько же всякой чепухи в голове скопилось»...

Сердце успокоилось. Начала готовить завтрак. А потом, как говорит правнук, надо садиться за «комп». Она улыбалась, размешивая чай, и размышляла, о чем еще надо обязательно написать в этот солнечный осенний денек!

П о с л е с л о в и е

Давно, в детстве, услышал я слово эпистолярный. Ребенком был сообразительным и догадался, что речь идет о столе или еще каком столярном деле. Как оказалось, не ошибся. Речь шла о письме. А письма, всем известно, пишут за столом. Берут бумагу, ручку, чешут затылок, ерзают на стуле, потом вздыхают и выводят: «Здравствуйте...» — ну и так далее.

Эпистола по-гречески и по латыни так и означает — письмо. Говорят, что жанр писания писем или очерков в виде писем, сиречь эпистолярный жанр, вымирает. Уходит в небытие. Не верьте! Наоборот, жанр этот получил второе дыхание и крепнет изо дня в день, из минуты к минуте. С каждой СМС-кой, каждым Е-майлом. И с развитием компьютерной техники только интересней становится, потому что ответ получаешь быстро, почти мгновенно. И летит он к тебе, как и письмо от тебя, со скоростью света, а не со скоростью лошади, голубя, поезда или самолета.

Одна беда. Письма эти обезличены. Появятся в мониторе на короткий срок слова, набранные одинаковыми буквами или наговоренные, прочтут их, нажмут кнопку Delete, и нету вашего letter. А вот раньше...

У меня хранятся письма, присланные родителями в армию. Хранятся больше пятидесяти лет! В конвертах с марками. Как я любил их получать! Как ждал. И мои письма у родителей хранились. Родителей уже нет, а письма эти, перевязанные бечевочкой, лежат в старом последнем моем школьном портфеле. Не выбросили его папа и мама за ненадобность, а приспособили для важнейшего дела — хранили письма. И мои, и от своих друзей. Хотел я как-то после очередного ремонта выбросить портфель этот старый. Начал перебирать и зачитался. Сперва своими опусами. Ответами родителей. Потом нашел совершенно неожиданные для себя, никогда прежде не виданные записки отца в роддом маме, только родившей меня, и ее ответы.

Господи, мне уже 75. И запискам этим ровно столько же. Зачем же они хранили их, возили по всему Заполярью из поселка в поселок, от стойбища в стойбище? Неужели так значимы для них были эти листочки? Клочки старой бумаги. Значит, да. Почему? А потому, что это их жизнь. Потому, что в листках этих память! Родители ценили печатное или записанное слово крепче нас. Много крепче! Письмо — это не СМС-ка. Прочел и стер. Письмо — это ДОКУМЕНТ. Часть истории! Родители в ней участвовали, творили её. Так им говорили вожди. Так они считали. Да так оно и было на самом деле. Отец с осени 41 года был на фронте. Окончил войну в Праге 9 мая 1945. Делал историю? Делал! Мама на фронте не была, но работала и сдала за войну почти 30 литров крови для раненых. 30 литров! Господи, здоровенный молочный бидон! Я видел письма солдат с фронта. Они благодарили маму, писали, что её кровь спасла им жизнь.

Мои родители хранили все эти документы своей истории, берегли их. Оставили мне. Родители других оставили своим детям.

У наших родителей была причастность к огромному делу строительства страны. И цели они ставили перед собой великие: освобождение угнетенных народов! Строительство коммунизма! А для этого — индустриализация страны, строительство заводов, фабрик, железных дорог! Целей этих наши родители достигали! И гордились этим.

Очень хочу, чтобы и у наших детей такая причастность к строительству страны, улучшению жизни была. Очень хочу!